

**КУЛЬТУРА:
ФИЛОСОФИЯ И
ИСТОРИЯ**

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.В.КУЙБЫШЕВА

Лаборатория "Методология и теория культуры" ТГУ

**Посвящается 50-летию
юбилей Томской области**

КУЛЬТУРА: ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск - 1994

Культура: философия и история :Сборник / Сост.Валанди Н.Н. ;
Под ред. проф. Э.В.Бурмакина, проф. Д.В.Петрова, доц. Э.И.Черняка.
Томск: Изд-во Том. ун-та. 1994.- 119 с.- 200 экз. 0301010000

В сборнике, изданном на средства, предоставленные Администрацией Томской области, опубликованы развернутые тезисы докладов учёных г.Томска и др. городов Сибири на межвузовской научной конференции ТГУ, посвящённой 50-летию вбилев Томской области.

В I части сборника анализируются философские и методологические вопросы развития и познания культуры, во II части рассматриваются проблемы истории духовной и материальной культуры Томской области.

Для студентов, преподавателей и специалистов в области гуманитарных наук, для всех, кто интересуется проблемами философии и истории культуры.

5 - 7511 - 0726 - 8

К 0301010000
I77(O12)-94

© Томский государственный университет, 1994

Г. И. ПЕТРОВА
ФИЛОСОФСКОЕ СОЗНАНИЕ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС

Определяя философию как эпоху, схваченную в мысли (Гегель), очевидно, можно задаться вопросом о характере перевода эпохальной действительности в человеческое сознание: является ли он бесстрастным и объективистски безразличным, либо сопряжён с возможными выходами в неё, необходимыми корректировками, активными воздействиями? Иначе говоря, вполне логичен вопрос об ответственности философского сознания за востояние эпохи - культурное состояние конкретного исторического этапа в развитии человечества.

Современное прозрение: подобного рода вопросы драматично и мучительно задаются в периоды кризиса, когда напряжённое сознание пытается как найти причины кризисного бытия, так и отыскать пути выхода из него. Кризис обостряет и оттачивает философскую рефлексию, которая направляется и во внешне-бытийственное человеческое окружение и во внутри-себя-бытие.

Сегодняшнее кризисное состояние актуализирует вопрос об ответственности, поворачивая его в конкретную плоскость поисков в области философии неких "промахов", которые, возможно, прямо или косвенно способствовали тому, что в XX веке человечество, до того развивавшееся по восходящей исторической линии, оптимистично настроенное по поводу дальнейших прогрессистских устремлений, вдруг узнало, что оно смертно. В каком смысле философия может быть повинна?

В поисках ответа следует обратить внимание на самое сердце философии - сущность философской рефлексии и характер философского мышления. Рационализм как характер и специфика философии обусловил особенности внутри философского движения, снабдив философскую рефлексию способностью проникать в сущность окружающего мира. Рационалистическое философское сознание на свой лад переделывало мир, переводя его в собственную плоскость, удваивая его, оно охватывало в предметах, вещах и процессах их логическую суть, отвлекаясь от красочности полнокровного бытия. Это был "вывих сознания, которое отвергло универсальность и полнозвучие бытия" (I, 13). "Всё действительно разумно" - этот тезис немецкой философской классики обескровил вселенную, назвав её объективной

(т.е. состоящей из объектов внешнего мира) реальностью.

еловеческое бытие отождествилось с его высушенной логической охемой - совокупностью объектов, в которых репрезентировалась лишь сущность окружающего мира и которым противостоит человек-субъект. Противостояние и отчуждение - вот результат объективирования мира. Субъективная реальность и бытие - совсем не одно и то же. Человек, вырванный из полноты бытия и выброшенный в объективную реальность, оторвался от естества, от природы и создал совершенно искусственный мир объектов.

Любая искусственная, внеприродная, рукотворная среда есть культура. Это самое широкое определение феномена культуры как противоположения натуре. Культура начала создаваться человеком в тот самый праисторический момент, когда природа, лишив человека инстинктуальной программы, стала выталкивать его из своего ложа. Человек (прачеловек) не смог больше жить в природе. Он встал перед проблемой выживания. Уже в период возникновения ему, таким образом, сразу же пришлось решать эту проблему: он сразу оказался в экологическом кризисе. Чтобы выйти из кризиса, ему необходимо было сменить природную нишу. Обстоятельства заставили одну из ветвей предчеловеческого существования развить разум, с помощью которого стало возможным создать искусственную - культурную - нишу как новую, адекватную человеку среду обитания. Культура создавалась в целях гуманизма. Культура и гуманизм - тождественные понятия.

Но что стало с разумом в ходе истории, когда он, начиная с эпохи Возрождения, призывая на помощь науку, стал исповедывать принцип рационализма и создал культуру антропоцентристского гуманизма? Разум набрал такую силу, что возомнил о собственной вседозволенности. Он врвался в мир, выхватывая его фрагмент за фрагментом, проникал в их сущность и в таком сущностно-логическом виде заставлял существовать. Культура как рукотворная среда постепенно вытравлялась, заменялось её бытийственное существование логически-сущностной объективной реальностью. Надприродный мир предстал скоплением застывших, потерявших красочность, мертвых объектов. Двигаясь в этом мире, человек-субъект, рационалистический и рассудочный, также стал терять свои живые, подлинно человеческие черты. Разум породил индустриальное общество как крайнюю форму объективирования, где объекты превращались в мертвые механизмы, а весь мир машинизировался и омерщивался. Техническая среда заменяла подлинное бытие.

С механизированным, мертвым миром можно было соответствующим образом поступать: если он не удовлетворял человека, его следовало менять, совершенствуя (?). Так рационализм как философско-гносеологический и практический метод рождал покорительскую парадигму деятельности человека в природе. Культура покоряла природу. И в результате - грань катастрофы, цивилизационный и экологический кризис, вновь вставшая проблема выживания. Технизированная культура, населив мир объектами, объективировав его, больше не служит человеку. Она потеряла гуманизм как ориентир и принцип собственного развития и потому перестала быть культурой в собственном и изначальном смысле слова.

Ответственна ли и виновна ли философия, философское мышление за происшедшее?

Литература

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: изд-во "Республика", 1994.

И. В. ПЕТРОВ

ОБРАЗ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Подлинная философская культура строится на такой системе объяснений, когда то, что не является мышлением, понимается тем не менее как чистая мысль, как нечто, пребывающее в мышлении. Для философии бытие само по себе, бытие без субъекта - как то, что со времён античности понимается как бытие для другого, как внешнее проявление, открытость, демонстрация не представляет большого интереса; её, напротив, интересуется иного рода бытие - внутреннее бытие (бытие внутри себя), бытие для себя, состояние рефлексивности. Через эту внутреннюю рефлексивность, являющуюся атрибутом сознания, человек постигает себя, осознаёт себя как личность, начинает действовать в мире; в свою очередь мир как внешнее бытие открывается человеку в деятельности, рисуется ему по тем линиям, которые он прокладывает своей практикой, становится сопричастным его судьбе и жизни. Через самосознание человек определяет своё бытие, а вместе с ним и бытие всего внешнего мира.

С позиции здравого смысла и наивного реализма в вопросе о существовании внешнего мира, его онтологическом статусе нет никакой проблемы: мир пребывает от века и является таким, каким является. Философский подход к данной проблеме принципиально иной, поскольку философское мышление по своей сути парадоксально и не совпадает по форме и содержанию с обыденным сознанием. Вместе с тем, это удивительное мышление неоднородно и само даёт пример разноречивых взглядов на данную проблему.

Античные мыслители верили в реальность Космоса, природы, отдельных предметов, т.е. в совокупность всего физического. Они придумывали теории, объясняющие сущность вещей и способ их бытия. Язык этих концепций был создан естественным разумом и являлся по сути модернизацией традиционных представлений на космическое бытие. Идея бытия, рождённая в древности, перешла впоследствии в различных модификациях в материалистические системы нового времени. Учение о материи как субстанции природы явилось завершением попыток теоретически обосновать позицию здравого смысла в философии.

Критический рационализм особенно далеко отстоит от позиции здравого смысла в философии. Реальность внешнего мира не настолько очевидна, чтобы рассматриваться в качестве несомненного факта;

граница между действительностью и иллюзией (сновидением) подвижна и только сомнение в качестве мышления существует без всякой доли сомнения. Всё в мире преходяще, на всём лежит печать забвения, но есть крохотный мир субъекта, который повторно переживает вечную действительность и даёт ей вторую - уже осмысленную - жизнь в мышлении. В рассуждениях Декарт опирается на метод парадоксов. Его знаменитое выражение, ставшее афоризмом, гласит: "Мысль, следовательно, существую". Мышление для философа первично, в своей изначальной безусловности оно поглощает условный мир: вещи превращаются в чистые идеи. Начиная с Декарта, философия круто поворачивает от привычных представлений нашего разума и идёт против течения обыкновенной жизни; она удаляется от мира повседневности и превращается в удивительную систему воззрений, объясняющих мир "наизнанку", "противоестественно", что требует подготовки и "посвящения" немногих избранных. Такой стиль философского мышления сохранялся в европейской культуре на протяжении трёх веков.

Современная эпоха не может более удовлетвориться рационалистическим стилем мышления; критицизм, сыграв свою историческую роль, не способен сегодня дать ответы на те вызовы, которые поставила перед нами жизнь. Обращённость к мышлению как таковому, к чистым формам рассудка и разума объективно приводила к тому, что в идеализме человек как субъект мысли отошёл на второй план, стал не центральной проблемой философии, но фоном при исследовании логических схем мысли. Безличность и всеобщность форм этого знания, а также его отчуждённость не могли не сказаться на понимании природы: последняя стала рассматриваться исключительно как объект удовлетворения постоянно растущих потребностей человека. Современный мир вступил вследствие этого в полосу затяжного глобального экологического кризиса, преодоление которого возможно при условии принципиального разрешения многих социальных вопросов.

Образ современной философии предполагает такую модель действительности, когда существует единство Я, или субъективности, и внешнего мира, или объективности. Истина, которую несёт с собой современная философия, сводится, в одном случае, к преодолению естественного натурализма, в другом - гносеологического субъективизма; истина эта выражается формулой: внешний мир не существует без моего мышления о нём, но внешний мир не тождественен моему мышлению. Мир не есть такая действительность, которая существует в себе

и независимо от меня; его онтологический статус определяется моей познавательной деятельностью, т.е. тем, чем он является для меня. Мой внутренний мир, делающий меня субъектом, принадлежит, следовательно, не только мне; в такой же степени он принадлежит внешнему окружению - тому, что передо мной и вокруг меня.

В гносеологии существует весьма распространенный предрассудок, заключающийся в том, что познающему субъекту противостоит объект как нечто внешнее и чуждое ему, который отражается и познаётся им. Если предположить, что мышление противостоит бытию, то в таком случае невозможно объяснить точки соприкосновения между ними; остаётся неясным, как факты сознания, возникающие в опыте субъекта, соприкасаются с фактами, являющимися самим бытием. Чтобы процесс познания мог осуществиться, необходимо перевести содержание опыта в одну плоскость и выяснить, каким образом факты мышления, возникающие в опыте свободно, связываются с фактами мышления, возникающими в том же опыте необходимым образом. Познание входит в бытие, является частью его истории, поскольку человек принадлежит предметному миру своими "плотью, кровью и мозгом".

Преодолеть разрыв между мышлением и бытием возможно на пути принципиально иного понимания процесса познания; необходимо предположить, что не кто-то внешний встречается с бытием в акте познания, но само бытие познаёт себя. В действительности человек как субъект мысли и познания не противостоит бытию, ибо он та часть этого бытия, в котором природа приходит к своему самопознанию. Последующее противопоставление на субъект и объект происходит значительно позже, когда осознавшая себя природа, т.е. человек в рефлексивном мышлении удваивает свой мир, понимая одну его часть как мышление, другую - как бытие. Противоположность мышления бытию, как и субъекта объекту есть результат рационализированной, вторичной деятельности; в жизни все эти противоположности слить, находясь в единстве и потому "первожизнь" для философии выступает в качестве первичной реальности. Явление жизни говорит о совершенно новом бытии, отличном как от космического бытия древних, так и от бытия рационалистической философии нового времени. Открытие новой реальности, не похожей на ту, которая была известна в прежней философии, означает рождение новой идеи бытия - новой онтологии, а вместе с ней - появление новой философии, новой в той мере, в какой она концептуально объясняет действительность и через это оказывает влияние на реальную жизнь.

И. П. ЭЛЕНТУХ
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛОСТНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

Примечательной тенденцией современных гуманитарных исследований является глубинный интерес к вопросам зарождения и происхождения человеческой культуры. Традиции известны различные истолкования сущностной природы культуры: и как достижения творческой разумной созидательной человеческой деятельности (И. Кант); и как ценности, созданные преобразующей социальной практикой (К. Маркс); и как воплощение сакральных смыслов культа, духовного откровения (Н. Бердяев, Н. Рерих) и другие. Под явлением культуры мы будем понимать произведение цивилизованной творческой деятельности человека, в которой получают воплощение его духовные ценности, сокращенные жизненные смыслы, сформировавшиеся в определенных природных, социальных и космических условиях.

Как многомерное образование человеческая культура представляет собой целостный феномен: 1) и как единство ее многообразных аспектов, репрезентирующие универсалии основных мироотношений человека (преобразования, потребления, общения, познания, нравственного и религиозного постижения, эстетического освоения и т. п.); 2) и как единство и взаимодействия всех ее уровней - от чувственно-эмоционального переживания жизненных смыслов, и от самопроизвольного совершения алгоритмов языка, действий, мышления до сознательного и бессознательного трансцендирования на разных ступенях рефлексии как духовных ценностей, так и самого процесса продуктивной деятельности и соответствия результатов ее творческому замыслу.

Фундаментальная методологическая проблема культурологии состоит в том, что целостность феномена человеческой культуры требует адекватного подхода к его исследованию, что, в свою очередь, предполагает основанное на выявлении соответствующего интервала абстракции осмысление места уже известных в литературе подходов в системном изучении культуры.

Множество известных направлений в исследовании феномена культуры можно объединить в рамках социально-исторического подхода, деятельностного и духовно-ценностного подходов. Основанием для разграничения данных подходов может служить рассмотрение бытия культуры в системе субъектно-объектных, субъектно-субъект-

ных отношений и отношения человека к трансцендентному миру. Именно эти три составляющие в единстве являются необходимыми и достаточными для конституирования бытия культуры, в котором укоренены ее творческое начало, ее программно-нормативная основа и ее духовный смысл. Действительно, социально-исторический подход к изучению традиций и памятников культуры показывает специфику исторических условий ее зарождения, прослеживает влияние предшествующих традиций; здесь проясняется программирующая роль культуры, выступающей в качестве социальной памяти в жизнедеятельности людей; устанавливается регулятивное назначение культуры в формировании отношения людей к природе, к общественному устройству, к индивидуальности человека; выявляется нормативная роль культуры, регламентирующая характер поведения и образ жизни человека. Однако субъективная уникальность творческого начала культуры остается нераскрытой в рамках социально-исторического подхода. Поэтому становится необходимым деятельностный подход в исследовании культуры, который показывает, каким образом субъективные возможности, творческий потенциал человека получают выражение в языке создаваемой им культуры, опредмечиваются в ее произведениях, обогащая и развивая традиции человеческой культуры. Здесь раскрывается специфика идеальной природы человеческих ценностей культуры, лежащей в основе творчества, интенциональной деятельности сознания, порождающей идеалы, эталоны, образцы культуры; выявляется животворное единство ценностных жизненных смыслов, творчески продуктивного процесса и конечных результатов человеческой деятельности. Однако, в силу специфики деятельностного подхода ему свойственно предметное видение культуры, содержание которой может быть четко выражено в языке ее определенной формы, эпохи, стиля и т.п. В то же время иные пласты содержания данной культуры, ее смыслов могут оставаться за пределами семантики известного языка и не получать явного предметного представления. Поэтому для восприятия неизъяснимого, сокровенного содержания культуры рождается особый язык символов, передающий ее духовные смыслы. Основное назначение ценностных смыслов культуры состоит в том, чтобы в состоянии их интимного переживания человек стал духовно сопричастным целостности всей культуры. Ценностно-смысловая целостность культуры по своему бытию и сущности трансцендентна миру человека, и его проникновение в духовную ауру культуры дается ему в откровении. Вот почему для постижения не-

изреченной субъективной сопряженности человека ценностно-смысловой целостности культуры необходим уже не деятельностный, а духовно-ценностный подход.

Таким образом, мы показали, что из рассмотренных выше подходов в изучении происхождения культуры каждый выделяет свой присущий ему аспект ее содержания. Однако в целом человеческую культуру как единство объективного процесса и результата, субъективной творческой деятельности и духовных жизненных смыслов - так полно феномен культуры не может охватить ни один из подходов, а лишь их системное единство. Теоретической основой методологического синтеза разных подходов в изучении культуры может служить целостная концепция жизнедеятельности человека, согласно которой человеческое существование представляет собой гармоническое (Батищев Г.С.) единство социально-природного бытия, субъективно-творческой деятельности и духовно-космического взаимодействия.

Т.А. ЧУХНО
КУЛЬТУРА КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ

Представляя собой совокупность духовных и материальных ценностей, созданных человеком в процессах деятельности, культура, конечно, не однородна. Но в многообразии составляющих её компонентов обычно выделяются четыре основополагающих блока – наука, искусство, религия и философия. Они прежде всего и образуют стержень культуры, определяя её характер, уровень развития, а так же облик всех остальных явлений культуры.

Каждый из этих четырёх основных элементов несёт свои, особую функцию. Наука, открывая закономерности окружающего мира, выполняет познавательную роль и формирует пути, алгоритмы, правила освоения внешней среды. Средствами искусства достигается эстетическое освоение реальности в категориях прекрасного, что служит воспитанию культуры чувств, разработке моделей, образцов культурного поведения.

Назначение религии – нести нормы нравственного очищения людей путём обращения к сугубо личностному опыту каждого человека. Религия, как и наука, и искусство, также располагает своими специфическими средствами воздействия, которые входят в состав ценностей, образующих область культуры.

Философия представляет собой осознание культурой собственных задач, места в общественной жизни. Назначение философии – выискивать общие цели культуры независимо от конкретных функций составляющих её блоков и поднимаясь над ними. Вместе с тем философия как бы "распределяет" роли между образующими культуру элементами, обозначая направление их деятельности.

Несмотря на очерченность круга интересов, которые присущи каждому из помеченных разделов культуры, несмотря на специфику функций, которые они выполняют, культура выступает как единое целостное образование. Потому отсуствие или даже не азвитость какой-либо из составляющих её частей пагубным образом отражается на состоянии не только культуры, а всего общества. Достаточно убедительный пример – ущербное развитие всех сфер культурной жизни в нашей стране в результате усиленных гонений на религию, что обернулось упадком нравственности.

Условием успешного функционирования культуры является взаимодействие составляющих её блоков, в процессе которого осуществляется своего рода "подпитка" ими друг друга, взаимное обогаще-

ние. Поэтому необходимо говорить не просто о влиянии ветвей культуры друг на друга, но об их тесном единстве, свидетельствующем о целостности организма культуры. Можно было бы показать и доказать воздействие каждого из основных блоков культуры на остальные, равно как и ответные влияния. Однако не станем касаться всех линий их отношений, возьмём лишь движение идей по каналу "наука - искусство".

Порой говорят об их неприятии друг другом и даже конфронтации. Как известно, Ч.Сноу, проявивший таланты и художника олова, и естествоиспытателя, выступил с идеей противостояния культур (науки и искусства).

К сожалению, история духовного развития человечества хранит немало тому подтверждений. Ученые обвиняют деятелей искусства в невежестве, в непонимании научной картины мира. Особенные упреки раздаются в адрес современных художников. В свою очередь, последние обвиняют ученых в зазнайстве, снобизме и главное - в нежелании осваивать художественную культуру, как якобы ненужную им.

Видимо, причину подобного размежевания единой культуры на "физику и лирику" надо искать прежде всего в том, что они представляют разные способы освоения реальности: понятийное и чувственно-образное. Результаты научной и художественной деятельности, будучи выражены в столь отличных формах, соответственно и воздействуют на разные органы восприятия, актуализируя в одних случаях логическую, в других эмоциональную работу человека.

Из этого делается вывод, что наука и искусство не соприкасаются между собой, следовательно, мало что значат друг для друга. Более того, разделяется убеждение, будто вообще ученый может обойтись без обращения к искусству, а художник может творить, отрешившись от достижений науки. И ещё хуже, когда отношения доходят до взаимных упреков, обмена колкостями, характеризуются оботановкой вражды.

Но подобное отчуждение двух культур, тем более их конфронтация, наносят вред и научному и художественному творчеству. Это хорошо осознаётся деятелями той и другой сторон. Поэтому в типичном случае они не просто испытывают взаимное тяготение, но и вступают в оовз, используя методы, выработанные в каждой из сфер культуры, а часто даже сливаясь в едином творческом акте - познавательном-научном и художественном.

Деятели искусства нуждаются в науке, поскольку она формирует мировоззренческую позицию художника. Созданная ею научная картина мира вооружает знанием структур природы, её законов. Поэтому освоение её результатов гарантирует от ненаучных увлечений, ошибочного, а порой просто неграмотного понимания писателем естественных процессов. Успехи сознания ведут в глубины материи. Постыгая же новые "земли", они меняют строй человеческой мысли, подготавливая её к новым художественным поискам и открытиям. Д.Олдридж как-то признался, что после подвига Юрия Гагарина писатель уже не может обходиться прежними категориями, необходимы свежие восприятия, иные подходы.

Сказывается влияние науки и на методах освоения реальности искусством, деятели которого отмечают использование в своём творчестве эксперимента (Д.Толстой, В.Суриков, П.Валери), гипотезы (М.Горький), приёма "включённого наблюдения" (Ю.Смулд, И.Штемлер, А.Хейли), моделирования и других, рождённых наукой и отшлифованных ею, познавательных средств. Болгарский прозаик П.Вежинов подчёркивает, что не только испытал могучее влияние личности А.Эйнштейна, но и своеобразно реализовал его идеи о том, что "точка зрения наблюдателя... является решающей в постижении истины".

Нашицы и другие влияния науки на искусство. Но мы хотели бы обратиться к математическим основаниям художественности, затронуть вопрос о количественных определениях эстетического.

Искусство создаёт так называемую "вторую реальность", которая живёт по специфическим законам. Что бы ни отображал художник, оно должно быть воспроизведено по законам красоты. Но в основаниях прекрасного лежат чёткие количественные отношения, опираемые математикой.

Но это одна сторона проблемы. Вместе с этим и искусство оказывает не меньшее влияние на творчество учёных. Прежде всего оно идёт по линии обогащения учёного культурой языка, чувств и переживаний, формирующих его эстетический вкус, столь необходимый в поисках истины.

Искусство ценно, далее, тем, что предъявляет учёному другой способ освоения реальности. Этот способ таит свои преимущества перед научным, подчинённым нормам железной логики и (или) требованиям чёткой соотнесённости теоретических построений с опыт-

не проверяемым, экспериментально данным, наблюдением. Не будучи окованным господствующей научной парадигмой, общепринятыми законами и понятиями, художник волен свободно уходить вперед, заглядывать в будущее науки и фантазировать, тем самым стимулируя научную мысль, заражая её смелым поиском новых решений, а порой даже предвосхищая и подсказывая их.

Искусство выражает своё содержание в форме образа, который - в отличие от логико-аналитических построений науки - не может не быть законченным, целостным. Но это и означает, что художественное произведение представляет для учёного своего рода гносеологический идеал завершённой модели реальности, что искусство, говоря словами М. Борна, способно "напоминать нам о гармониях, не достигаемых для систематического анализа".

История культуры знает немало примеров близкого сотрудничества учёных и работников искусства, их взаимного обогащения, примеров использования естественным исследователем художественного творчества, а художником - достижений науки. Ныне, однако, пришла необходимость прибегнуть к более широкому и наощенному обмену плодами их деятельности. И мы являемся уже свидетелями не индивидуальных, а коллективных усилий по налаживанию подобных отношений между сферами культур.

Г.Д.ЛИХАЧЕВ
О ПОНЯТИИ КУЛЬТУРЫ И НЕКОТОРЫХ
ПРОБЛЕМАХ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В традиционном и широком понимании культура – это сотворенная человеком "вторая природа"; мир, созданный человеком, в отличие от мира самой природы; это совокупный результат (материальных и духовных) человеческих ценностей и т.д.

Иначе говоря, культура – это мир, наполненный, пронизанный человеческим знанием и смыслом. Как нельзя представить культуру без и вне человека, так и непредставима она без одухотворяющего начала, исходящего от человека.

И это последнее, пожалуй, ближе всего к сути понимания культуры, если рассматривать и учитывать "благородность происхождения культуры", т.е. "не ее реалистичность, а символическую выраженность" прежде всего духовной стороны культуры, как считал русский философ Н.А.Бердяев (I, с. 216). Соглашаясь с символизмом, тем не менее нельзя не учитывать традиционную реалистичность, воплощенную и материализованную в результатах.

Развиваясь в единстве реалистической и символической значимости, культура представляет собой такую систему ценностей, принципов и законов, которая и в своей исторической непрерывности, и в каждый отдельно взятый момент своего развития включает в себя человеческую деятельность, историческую практику сознания и теоретическое мышление, теорию. Фиксируя внимание на закономерностях и законах, отражающих природу культурологических начал бытия, теория культуры (как наука) сосредотачивает свои интересы на ценностных проблемах культуры в широком смысле слова, а также на проблемах художественной культуры, художественного мышления. И здесь прослеживается очевидная связь с проблемами эстетики, эстетической методологии, которая рассматривается сквозь призму культуры, а также одного из видов деятельности культуры: творчества в целом, художественного творчества, в частности. А это невозможно без аналитического "вмешательства" эстетической науки и ее теоретической системы. Но если взять только эстетическую теорию, следует признать, что упрощение, связанное с исследованием необходимых связей, оборачивается усложнением содержания систем этих обобщений и законов, ибо целью всех теоретических построений является познание конкретного. Определенное про-

творческие пронизывает всю культуру в целом (2, с. 520-521) и, конечно же, не обходит эстетическую науку и ее теоретическую область. Эстетика как часть теории культуры и, одновременно являясь философской наукой, будучи обращенной к миру как целому, рассматривает наиболее общие закономерности бытия в их эстетической выраженности. Наиболее глубоко и полно эстетически закби проявляет себя в сфере художественной деятельности, в искусстве. Но суждения об искусстве, претендующие на выявление закономерных связей, невозможны помимо знаний действительности, закономерно развивающегося человеческого бытия, жизни человека. Искусство является такой областью человеческой деятельности, в которой материальное и идеальное находят свое органическое единство, то есть обретают такие формы взаимосвязи, при которых абстрактно-всеобщее и моменты конкретно-всеобщего предстают в жизнеподобной диалектической связи и взаимопереходах. Но и это не объяснение причины сложностей, с которыми сталкивается эстетика и искусствознание. Свообразие художественной деятельности, столь непосредственно влияющее на специфику философско-эстетического познания еще и в том, что продукты этого вида деятельности всегда актуальны, самоценны, какая бы историческая ретроспектива не отделяла их от современности. В этом выражается универсальный характер художественной деятельности.

Было бы неверным представление, согласно которому эстетика обращена к художественной культуре, искусству как своему единственному предмету. Однако если искусство рассматривать как форму жизнедеятельности, в которой и через которую человек наиболее полно и свободно развивает свои сущностные силы и способности, смысложизненное творчество человеческого мира, то с данным определением предмета эстетики можно согласиться. При этом следует помнить, что закономерности творчества и восприятия, законы художественной культуры и т.п. должны входить в данную предметную область. В составе философского знания эстетика принимает на себя функции такой синтезирующей методологии, которая, преобразуя мир идеально посредством выявления законов красоты, задает множество моделей его реального, материального и духовного преобразования. Предметно-объективное отношение эстетической науки и является для нее той предметной областью, которая исследуется и в мировоззренческом и в методологическом планах. Это сфера проявления конкретно-всеобщих эстетических законов, охватывающих абстрактно-всеобщее и конкретно-чувственное во всем их разнообразии. Последнее обстоятельство имеет для эстетических обобщений и конкретизаций принципиальное значение. Имея пе-

ред собой все смысловое многообразие человеческого мира, преломленное через художественную деятельность и воплощающееся в искусстве, эстетика становится причастной к таким срезам человеческого бытия, существо которых заключается именно в единстве различных уровней конкретности: от чувственно-конкретного, в состав которого входит абстрактно-всеобщее и вообще олучайное (не закономерное), до моментов конкретно-всеобщего, охватывающих и чувственную конкретность со всеми ее проявлениями. Здесь, как нельзя кстати, следует вспомнить положение о противоречивости общего в процессе его приближения к познанию конкретного. Применительно к эстетической науке данное положение должно быть учтено в ходе анализа многоуровневости ее методологического состава. Наиболее выражены два уровня эстетической методологии, на которых анализируется общеметодологическая проблематика и вопросы методологии научного знания. Общеметодологическая проблематика включает в себя вопросы обоснования эстетического знания, осмысление теоретической системы эстетики, ее принципов, законов, анализ своеобразия применимости диалектического метода в эстетической науке и т.п. Вопросы методологии частнонаучного знания относятся к сфере конкретизации общеметодологических положений, применительно к искусствоведению, литературоведению, музыковедению и т.д. В этот круг входят и вопросы взаимосвязи частных наук в процессе познания искусства, их связей с родственными отраслями знания и с естественным знанием. Какой путь и характер подобной конкретизации положений одного методологического уровня применительно к другому? Прежде всего следует отметить, что наиболее общие положения эстетической науки носят конкретно-всеобщий характер. Они возникли в результате систематизации, углубления, приведения к единству бесконечного (в истории познания) множества абстрактно-всеобщих определений предмета. Это философско-эстетическая конкретность, закономерности качественно неравномерного пути развития искусства, несоответствия процессов развития в художественной сфере уровню и характеру развития других областей деятельности и т.п. Естественно, что эти положения применительно к анализу различных видов искусства, различных периодов общественного развития и, наконец, различных систем понимания категорий, реальности, стоящих за понятиями "вид", "искусство", "развитие" и т.д. Эти положения естественно будут претерпевать углубление их содержательности, обогащение такими нюансами, "зигзагами" и деталями, которые будут выглядеть случайными, не "встраивающимися" в границы действия данных законов. Оближение с эмпирической реальностью обнаружит в законе, как и в любом другом

"объем", его ограничения, ни же самим на себя налагаемые уже тем, что он закон - "общее". Но с другой стороны, в рассматриваемом явлении обнаруживается группа противоречий, которая характеризует данный закон (закономерность) со стороны его изменения и углубления от оцности первого порядка, к сущности второго порядка. Речь идет о познании вообще, о мышлении человека в целом, но это можно отнести и к диалектической взаимосвязи уровней эстетической методологии. Суть дела в том, что нет ничего неизменного, застывшего. В обобщенном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов: не только явления преходящие, и текучи, отделены лишь условными гранями, но такова и сущность вещей. Методологическое творчество эстетической науки заключается именно в таком пути рассмотрения существенного в форме закономерности, при котором вскрывается противоречивый характер закономерного на основе анализе противоречивой природы самой сущности вещей. Таким образом, погружение познания, вооруженного знанием закономерностей, в эмпирическую реальность несколько не задерживая, не "застрянет" в ее противоречиях.

Все сказанное позволяет выделить лишь некоторые особенности и принципы взаимодействия сущности и понятия культуры сквозь призму отдельных проблем эстетической методологии.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991, с. 216
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, с. 520-521

В.А.ВИДГОФ

КРАСОТА КАК СМЫСЛОБРАЗУЮЩЕЕ ЯДРО КУЛЬТУРЫ

Красота является к. очевой ценностью эстетической деятельности. Особенность её в том, что это единственный тип деятельности и в системе универсальной культуры, который ответствен за строительство человеческой жизни по объективным законам развивающейся гармонии. Гармония - это философская категория, обозначающая разрешённость противоречия, т.е. точку сопряжения разного. Однако гармония - это не просто согласованность разных мер, но автономная по своей самодостаточности мера, которая не сводится к совокупности мер, её образовавших. Гармония имеет три измерения. С одной стороны, это момент устойчивости в мире бесконечных противоречий и изменчивости. С другой, - это результат и, в-третьих, условие дисгармоничных тенденций, которые могут разрушать ставшую гармонию и формировать новую. Поэтому жизнь гармонии изнутри подвижна. Процесс этого движения идёт от гармонии одного порядка через дисгармонию к гармонии другого порядка и так далее в бесконечность. Вечное обновление гармонии можно уподобить движению волны, где есть своя высота (исходная гармония), её распад (дисгармонизация), дно (дисгармония), подъём к новой высоте (гармонизация) и, наконец, обретение новой высоты (новая гармония), и далее виток повторяется.

Закон объективно развивающейся гармонии всеобщ. Действие его вне системы человеческой жизнедеятельности может быть понято как предоснова эстетического. Термины "эстетическое", "красота", как и другие эстетические категории типа "прекрасное", "безобразное", "комическое", "трагическое" и т.д., приняты для обозначения действия закона развивающейся гармонии в системе мирочеловеческих отношений. Эстетическое освоение действительности - это способность человека видеть, переживать и создавать гармонию в своей жизни. Притом способность эта не есть врожденное или сверхъестественно данное качество. Эстетическая способность формируется, развивается и совершенствуется в процессе самой человеческой жизнедеятельности.

Сегодня, в условиях преодоления растущей бездуховности людей, поиска путей выхода из кризисных состояний жизни, гуманизации социальных процессов, формирования целостной и гармониче-

ски разантой человеческой индивидуальности - всё отринутельней выдвигается на передний план вопросы эстетизации жизни, как фактор, позволяющий онмать противоречия посредством их гармонизации, как фактор, следуя которому, человек обретае в своём отношении с миром цельность и человечность. "Цельный человек, - замечает М.М.Бахтин, - есть продукт эстетической точки зрения, только её одной, ибо познание индифферентно к ценности и не даёт нам конкретного единственного человека, и этический субъект принципиально не один" (1, 74).

То есть в духовной сфере человека ключевая ценность эстетического - красота - преодолевает объектную ограниченность познания (истины) и субъектную ограниченность нравственности (добра), но, выступая их системным свойством, существует как точка их пересечения (совпадения). Поэтому красота-всегда символ истины, добра и других ключевых ценностей культуры, она определяет собой их гармоническую целостность. В силу этого красота выступает системообразующим и смыслообразующим началом всей системы человеческих ценностей. Эстетический идеал (красота) - это высший идеал, это идеал идеалов. И потому ориентация на него всегда придаёт какой-либо частичной деятельности общечеловеческий смысл. И действительно, во имя чего осуществляется всё многообразие человеческих действий и поступков, как не во имя целостности и гармонии с миром, частью которого мы являемся?

По большому счёту, любая человеческая деятельность обретае гуманистический смысл, если она свершается в контексте эстетической ориентации, если её характер и результаты светятся красотой и соотносятся с ней.

Литература

1. Бахтин М.А. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

М. Н. КОКАРЕВИЧ
МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КУЛЬТУРЕ

Объединение фактов в любой отрасли знания возможно и всегда происходит в рамках какой-либо парадигмы, или теоретического основания. В случае истории культуры факты систематизируются в рамках двух сложившихся моделей развития культуры: линейной и циклической. Представляется, что эмпирический материал, который дает нам современная западная культура, приводит к необходимости уточнения некоторых аспектов циклической модели эволюции культуры и позволяет построить новую модель развития культуры.

Исторически первыми сложились теоретические принципы линейной модели эволюции культуры. Это - принцип универсализма, единства культуры человечества. Данное положение явилось основанием для поиска и формулирования единых критериев прогресса развивающегося общества. Например, для Канта - это степень "проявления свободы". Другое базисное положение линейной модели эволюции культуры - принцип поступательности и преемственности, согласно которому более древние культуры составляют фундамент последующих (например, для Гегеля египетский дух становится исходным пунктом для греческого). Графически линейное эволюционирование культуры изображается в виде ступенчатой линии, спирали и т.п.

Ещё до того, как стали высказываться сомнения в истинности постулатов линейной модели эволюции культуры, Дж. Вико выдвинул идею циклического развития различных обществ, идею качественной специфики их культур. Несмотря на столь раннее появление отдельных представлений, составивших в будущем фундамент циклической модели развития культуры, её окончательное оформление и признание принадлежат двадцатому веку как следствие накопления достаточно эмпирического материала, не укладывающегося в рамки линейной модели эволюции культуры, кстати, до сих пор господствующей в учебной литературе. Представляется, что циклическая модель эволюции культуры убедительнее объясняет взаимосвязь и развитие многочисленных феноменов материальной и духовной жизни общества. Поэтому она более объективно отражает реалии эволюционных процессов в культуре на данном этапе развития культурологических исследований, нежели линейная.

Аксиоматический базис циклической модели эволюции культу-

ры представлен следующими положениями:

а/ культура существует в виде сосуществования отдельных культурно-исторических типов;

б/ каждый культурно-исторический тип - это целостность со своим парадигмальным ядром, или системой ценностей, которые определяют специфику, воплощаются во всех формах культуры /науке, религии, образе жизни и т.д./, аналогично тому, как сущностные черты характера человека определяют, находят воплощение в его поступках, в примере, в античной культуре мы постоянно отмечаем отражение культа прекрасной человеческой телесности: в такой архитектурной форме как храм-периптер, колонны которого олицетворяют и повторяют пропорции совершенного мужского или женского тела, в религиозных празднествах в честь Диониса и т.д.

в/ каждый культурно-исторический тип в своей эволюции проходит все стадии от рождения до смерти. Это означает, что каждый культурно-исторический тип живет в двух измерениях: временном и вневременном. Временное измерение предполагает ограниченное реальное существование данной культуры. Вневременное - музейное существование, существование в качестве объекта исследования, но не реальное функционирование парадигмальных ценностей в деятельности, в действиях людей. Если последнее случается, то вызывает впечатление неадекватности. Данный принцип, кроме эмпирического подтверждения /реальная эволюция античной культуры/, доказывается косвенно признанием циклических моделей эволюции космоса /теория пульсирующей Вселенной/, этносов /теория этногенеза Гумилева, теория академика Казначеева/.

Вместе с тем последняя аксиома не кажется достаточно очевидной. Всякая ли культура имеет ограниченное временное существование? Как правило, для подтверждения тезиса о неизбежной гибели какой-либо культуры исследователи ссылаются на языческие культуры, проводят аналогии между культурами, например культурой современного Запада и Римской империи, и делают вывод о гибели Европы, хотя общеизвестно, что рассуждение по аналогии не дает достоверного заключения. Более того, в данном случае нарушаются условия состоятельности вывода по аналогии, поскольку западная и античная культура существенно различны.

Античная культура в отличие от западной не имеет цивилизационного аспекта. Цивилизация, цивилизационный аспект культуры является составляющей стороной культурно-исторического типа.

Наличие цивилизационного аспекта в культуре обусловлено определенными сторонами человеческой природы. С одной стороны, человеку присуща потребность в творчестве, в вере, в служении идее, с другой стороны, человек нуждается в пище, крыше над головой, спокойной жизни, благосостоянии. В первом аспекте своего существования человек создает культуру, во втором - цивилизацию. Итак, цивилизация - постоянный спутник культуры, и если в парадигмальном ядре культуры не заложены цивилизационные ценности, не признается в качестве самоценности человек, то он как носитель культуры отторгает её, обречена на гибель и бездуховная цивилизация.

Античная культура с её культом силы, определившим героическую эпоху, культом интеллекта, культом прекрасной человеческой телесности была по существу не гуманна, бесчеловечна. Презренным занятием считался всякий труд, создающий материальные блага, даже Архимеду приходилось оправдываться за свою экспериментальную деятельность. Поэтому её смерть была неизбежной, и угасание античной культуры началось с отказа от культа силы, других нравственных ценностей ещё до встречи с Римом. Римляне же, получившие античную культуру в наследство по праву завоевателей, не были способны обеспечить её нормальное функционирование, они могли лишь её сохранять, ею восхищаться, поскольку сами были носителями цивилизационных ценностей. Так, в собственно римском пантеоне богов Венера - покровительница садоводов, Марс - земледельцев, полубоги - в прошлом изобретатели орудий труда. При этом цивилизационные ценности, не одухотворенные культурой, сокращаются до культа физических потребностей, культа денег, и общество, не имея объединительной стержневой идеи, вводит другие механизмы самосохранения. Этим можно объяснить характерную для Рима дисциплину, статус жрецов как государственных чиновников. Отсюда пристрастие к жестоким зрелищам, сексу, пирам, утилитарная полезность сооружений, закрытие школ философов и риториков - носителей позаимствованной античной духовности.

Христианская культура в своем парадигмальном ядре органично соединяет культурные и цивилизационные ценности. Христианство - это, прежде всего, идея Бога как совокупности всех духовных совершенств, Абсолюта, являющегося мерилем человеческих поступков, формирующего общественные ценности, объединяющие людей. Другая центральная идея христианства - идея Христа, Богочеловека. Именно здесь заложено представление о самоценности человека,

которое приводит к тому, что человек начинает считать себя точкой отсчета и мериллом своих поступков.

В некоторые эпохи эволюции христианской культуры идея самоценности человека становилась давящей. Например, в эпоху Возрождения с его оправданием телесной природы человека, признанием индивидуальности в качестве высшей ценности, что в сочетании с идеей возвышения человека-творца до уровня Бога приводило к культуре индивидуализма. Приоритет иррационального как парадигмальный принцип эпохи конца XIX - начала XX вв. вообще заставил Ницше констатировать факт: "Бог умер". Те же суждения о гибели культуры распространены на Западе и сейчас в эпоху господства постмодернистских ценностей.

Представляется, что так же, как в христианстве нельзя разделить идею Бога и идею Христа, так же невозможно не видеть в системе ценностей любой эпохи ценности Абсолюта, и как бы не был ограничен ареал их распространения, эти ценности всегда существуют и воплощаются в жизнедеятельности общества. Поэтому точнее было бы говорить не о гибели западноевропейской культуры в XIX, XX веках, а об ослаблении влияния ценностей Абсолюта на общество в эти эпохи, тем более что в настоящее время ценности Абсолюта заявляют о себе с не меньшей силой, чем постмодернистские.

Таким образом, для тех культурно-исторических типов, которые органично соединяют в своем парадигмальном ядре цивилизационные и собственно культурные ценности, третья аксиома циклической модели не работает. Здесь следует говорить не о циклическом типе движения, а, условно говоря, маятниковом, при котором, как бы ни сильна была амплитуда колебания, отхода от ценностей культуры, общество, как маятник, в каждом своем колебании проходит нижнюю точку, то есть всегда сохраняет ценности культуры, отдавая в других "точках", эпохах своего движения приоритет цивилизационным ценностям, в разной степени одухотворенным. Соответственно, мы имеем христианский гуманизм эпохи Возрождения и гуманизм постмодернистской эпохи.

Следует отметить, что понимание цивилизации как постоянного аспекта культуры позволяет объяснить взаимовлияние культурно-исторических типов, их преемственность и другие виды взаимосвязи, поскольку все эти процессы протекают в цивилизационной оболочке.

Н. В. НАЛИВКИНА

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Переход России к демократии ставит перед гражданами задачу овладения основами политической культуры. Политическое просвещение существует в любом современном демократическом государстве. Главной его потребностью является выработка у граждан устойчивого иммунитета, взвешенного и критического отношения к различным идеям и идеологиям. Отсутствие у населения ориентаций на общечеловеческие ценности демократической культуры, дополняемое социальными и национальными конфликтами, может привести многих людей к идеологиям с националистической и религиозно-экстремистской окраской. Поэтому общество должно быть прямо заинтересовано в политической образованности, в политической культуре как искусстве цивилизованного проживания людей в едином обществе и государстве.

Элементы, составляющие политическую культуру, тесным образом связаны с общенациональной культурой, национально-психологическими и религиозными традициями, обычаями, мифами и установками.

Одним из важнейших компонентов политической культуры является религия. Конфессиональный фактор сейчас играет роль гораздо более значительную, чем социальные приверженности и интересы. История показала, что религия всегда была охранительницей традиционных ценностей, а религиозные и моральные компоненты служили опорой защиты существующим системам и образу жизни. Как нельзя отвергнуть опыт предшествующих поколений, так нельзя и пренебрегать многовековым наследием Церкви. Особенно это касается веры.

Для христианства изначально был мир внешний и внутренний - духовный, мир человеческого существования вне политической жизни. Ещё у Августина Блаженного было два царства - божественное и земное, олицетворением которых явились, соответственно, церковь и государство. Но в реальной жизни христианство столкнулось с опасностью смешения религиозного и светского и превращения теологии в служанку политики. Приспособление веры в Бога к нуждам государства во имя его христианизации произошло в IV веке при императоре Константине.

В России авторитет царской политической власти в государстве был выше церковной. Это было обусловлено тем, что христианство на Руси было принято не через апостольскую проповедь, её крестителем стал не священник, а князь. Официально-православная Россия не была христианизирована, евангелизирована на уровне личного мировоззрения и опыта.

В истории русской культуры произошел ряд трагических событий, во многом определивших состояние нашего общества сегодня. Победа вступивших в союз с властью инсифли означала надлом духовной жизни народа. Произошла расправа с "русской святостью", после чего перестала существовать свободная церковь. Фактически подчиненное состояние церкви было юридически оформлено Положением 1721 года, в котором церковь была низведена до одного из государственных департаментов, а пастыри - до положения чиновников. Русское государство, поработив церковь и вместе с ней свободу духовной жизни народа, было уже поэтому обречено. Убийство в 1881 году царя-реформатора Александра II и казнь Николая II лишь закрепили эту форму явчества. Подобное разрушение духа и власти в стране могло быть продолжено ещё большим насилием. Трагедия русского православия состояла в том, что накануне "революции" 1917 церковь была уже неавторитетной организацией, против которой, оказалось, без особых усилий можно повернуть значительную часть бывших верующих.

Эта тенденция особенно наглядно проявилась в прогрессистском движении в последней четверти XIX века. Реакционными, не способствующими прогрессу, объявлялись религия, философия, искусство. Вся огромная энергия, страсть, нетерпимость революционных демократов направлялись на обличение и разрушение отечественной культурной традиции, за отсутствие в ней прогрессистской идейности. Идея прогресса оказалась наполненной разрушительным содержанием. Разрыв с традициями духовной культуры оказался сам своего рода традицией. Прогрессистское сознание не видело в культурной традиции ничего нового и созидательного, кроме тьмы и невежества.

Царство Божие, которое следует искать внутри нас /Лк, 17.21/, в русской истории переместилось из души в тело, стало политической целью. В конце XIX - начале XX вв. появились люди, глубоко враждебные христианству, принявшие идею "третьего Рима" и его владыки - Мессии, отбросившие идею Бога, Христа. Подмена Божественного Мессии земным "мессией" последовательно отразилась в деятельности большевиков, анархистов, левых эсеров. Произошла подмена традиционной религии, христианства новой религией.

В светской, переставшей быть религиозной этике лежит основа для сакрализации особо ценных явлений, возникших внутри общества. Разновидностями светских религий являются культ вождя, избранного класса или народа, избранной расы, культ государства. Однако, чтобы почитание избранного социального объекта стало религией, оно должно приобрести массовый и устойчивый характер, усилиться специальной идеологией, организацией, репрессивным аппаратом регламен -

тированными обрядами.

История Германии, СССР, стран Восточной Европы и Юго-Восточной Азии доказала существование таких религий. Культ вождя и раба особенно ярко проявился в СССР и Германии. Власть была сосредоточена в руках относительно узкого руководящего слоя. Организацией, охватившей весь народ, регламентирующей все сферы жизни, стала партия. Планированию подлежали не только воли и социальное устройство, но и в первую очередь - живая человеческая сущность. Предполагалось, что появится новая порода людей, обладающая, согласно официальной пропаганде, особо ценными качествами. Но человек существо, определяемое духом. Порабощение его возможно там, где этому помогает соответствующая идеология. И такая идеология появилась.

С торжеством новой идеологии исчезала христианская идея вечной ценности личного начала и сокровенный опыт личного богообщения. Господствующей стала религиозная доктрина, центральной мыслью которой стало единство родового и национального. Новый миф устранил и упразднил Христа и Его искупительный подвиг. Душа, тело, дух, воля в это время поступали в распоряжение силы, воцарившейся у власти.

Середина 80-х и начало 90-х гг. стали временем, когда крушение прежней советской идеологии совпало с бурным возрождением религиозности. Но, видимо, негативным в этом процессе является то, что русский человек стихийно или сознательно пытается заполнить идеологический вакуум, обращаясь к государственной религии. О необходимости преодоления тесной связи светских и духовных властей говорят многие священники. Надо отметить, что попытки реформировать церковь, отделить её от государства предпринимались не только прогрессивными мыслителями, но и представителями русского духовенства, начиная с Филиппа Колычева, затем митрополита Антония /Храповицкого/ и т.д. Только в зарубежье митрополиту Антонию удалось довести реформу до конца.

В трудах мыслителей русского религиозного возрождения начала века можно найти идеи реформы, которые сосредоточены на служении в миру, личной ответственности, свободе совести и естественном праве. По мнению В.Соловьева, необходимо обратиться к примеру Европы и внести в общественные отношения, в труд и быт христианские ценности.

В обществе происходит движение к православию и к западным ценностям. Почему? Протестантская реформация и долгая реформа в

капитализма сделали понятие достоинства и прав личности всеобщим. Реформация и контрреформация создали новый тип личности, которая превратила европейское и американское общество в демократическое и процветающее. Это личность свободная, предприимчивая, тягущаяся к образованию и культуре, с высокой трудовой и социальной этикой. В американском обществе роль религии в становлении новых демократических ценностей была очень высока. А. де Токвиль утверждал, что в Америке школой республиканских добродетелей была церковь. Многие последователи связывают с религией функционирование республиканских и демократических институтов. В западно-европейской политической культуре существуют многочисленные конфессиональные партии с наличием различных фракций /консервативных, либеральных, центристских/. Церковные руководители в истории этих стран были в первых рядах борцов за отмену рабства, за предоставление права голоса женщинам, за запрещение спиртных напитков и т.д. Религиозная веротерпимость, церковная демократия послужили основой современной западно-европейской демократии. Протестантизм заявил, что люди в своей жизни заключают договор с Богом и друг с другом. Поэтому демократия утвердилась впервые в конгрегационалистских, кальвинистских и лютеранских общинах, а затем и в католицизме, после Второго Ватиканского собора.

Остается надеяться, что русская православная церковь в результате реформы тоже придет к этому. Необходимость отделения церкви от государства /реальная/ ещё не должна отрицать участия христиан в политике. Христианская политика означает различение добра и зла в системе государственного и общественного устройства. В парламентском государстве, где все вопросы должны решаться большинством в парламенте, интересы и взгляды христиан обязаны быть представлены. В современной России христианское политическое движение сковано прошлым, что и вызывает в среде верующих отрицание всякой политической деятельности. Нет связи между нравственным законом, установленным Богом, и гражданским законом. Эта связь становится необходимой, так как объектом гражданского и церковного права является человек, определяющий свое место и в религии, и в повседневных взаимоотношениях людей друг с другом.

Хотелось бы надеяться, что гигантский потенциал святости и духовности, богословской мысли поднимет авторитет церкви до реального и истинного, который не позволит и не допустит вновь анти-клерикальной волны и безбожия нашей страны.

В.Н.СЫРОВ, Н.В.ПОПРАВКО, В.А.СУРОВЦЕВ
ЧТО МОЖЕТ СКРЫВАТЬСЯ ЗА "УТОПИЕЙ"?

Вопрос снова стоит на повестке дня. В самом широком смысле это некое переживание и осмысление социальной реальности, охватывающее ту категорию людей, которую принято называть "массой". В узком смысле речь идет о проекте желаемого будущего. Что-то не удовлетворяет интеллектуалов, идеологов, исследователей, столкнувшихся с таким состоянием сознания масс. Это сквозит и в самом смысловом оттенке термина "утопизм". Попробуем же определиться в ситуации. Не вдаваясь во все аспекты столь почтенной проблемы, попробуем выделить острое, ускользающий, как нам кажется, от взора изучающих ее.

Ясно, что на сегодняшний день нет нужды связывать утопизм с иллюзорностью и призрачностью надежд, с отсутствием доказательности и обоснованности в описании образа желаемого будущего. Ведь тогда пришлось бы причислить к утопиям практически все существовавшие и существующие проекты, особенно в индустриальном мире. Если же обозначить утопиями то, что задумывалось, но не осуществлялось, тогда идея утопизма лишилась бы своей эвристической ценности. Но есть один момент в утопичности, задающий специфичность как жанра "утопии", так и типа социальных проектов. Это картинность созданного утопией мира. Картинность предполагает описание людей и вещей в ситуациях. Поэтому перед нами открывается не мир, выраженный в понятии и фиксирующий то всеобщее и необходимое, что можно только напряженно мыслить. Утопия - это область образов, красочных, ярких, кричащих, скульптурных, рельефных, зримых, наконец. А всякий образ предполагает наглядность или хотя бы вообразимость. Наглядность касается как формы утопии (жанр, организация текста), так и ее содержания.

Наглядно то, что говорит о спокойной, счастливой жизни, о легкости получения благ, о свободе от запретов, об избавлении от бесконечного труда. Наглядно то, что зримо, чувственно, телесно, вещественно. Но ведь это и есть то, что можно назвать первичными структурами освоения мира и первичными структурами жизни вообще. Именно здесь начинается неустранимая повседневность. А повседневность не нуждается в расуждении как виде доказательства. Ее сила в ее наглядности.

Вопрос, который закономерно встает. Зло или благо - эта картинность утопий? Здесь-то и вскрывается тайна оценки утопичности. Ведь оценка всегда делается интеллектуалами, привыкшими и умеющими работать с понятием. Значит, тот, кто переживает мир как утопию, скользит по поверх-

ности (с позиции интеллектуала) и руководствуется эмоциями в выборе каких-либо вещей. Поэтому утопия есть продукт незазванного, непросвещенного ума. А признать ее право на существование можно лишь в качестве переходного этапа на пути ко всеобщему окультуриванию масс. Вывод тогда ясен: назвать чье-либо чаяние утопией значит подойти к нему с точки зрения интеллектуала, неявно предполагая его монополию на знание истины.

Итак, в интересующем нас аспекте утопия – это картинность социального проекта. Значит идеология (как возможная оппозиция утопии) предполагает понятийность выражения. Более того, огласимся с тем, что всякая картинность, выходящая за рамки повседневности, может быть только мифом. Но значит ли, что социальный проект, выраженный в понятии, автоматически получает лицензию на истинность. Ведь недаром культура сохранила понятие "здравый смысл", когда бессмысленность идеологического призыва просто наглядна и не требует для опровержения напряженности мысли.

Но даже признание преимуществ идеологии в сравнении с утопическим стилем освоения мира не избавляет нас от другого вопроса. Возможно ли преодоление утопичности? Оставим в стороне вождя, намеренно эксплуатирующего преимущества картинности проекта. Ведь всякая идеология требует определенной настроенности ума, хотящего и умеющего теоретизировать. Выработка и сохранение такого умения предполагает постоянную тренировку ума (как условия внутреннего) и соответствующее сообщество (как условие внешнее). Следовательно, в итоге мы должны получить тотальное сообщество интеллектуалов или признать другой, может быть малоприятный факт. Если сохраняется повседневность, а значит картинность освоения мира, то сохранится и будет постоянно воспроизводиться мифологичность сознания и утопичность как ее аспект в понимании желаемого будущего. Естественно, что будет вечен и носитель данной утопичности сознания.

Вывод прост. Утопичность сознания не есть пережиток. Утопичность есть естественное и неустранимое свойство массового сознания. Ведь для большинства наиболее очевидны и приемлемы первичные структуры жизни: само тело, его влечения, вещи и вещественность окружения тела. Культура же как создание разума выходит за рамки очевидности. Ее продукты идеальны по характеру. Поэтому надо быть готовым к тому, что любой идеологический проект, попавший в стихию массового сознания, обречен на смысловые метаморфозы. Надо быть готовым и к тому, что те формы культуры, где господствует понятие, наиболее чужды утопическому сознанию. А в этом драма современной цивилизации.

В.Г.ЛЕОНОВ

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ПОКОЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Власть великих над умами сограждан ощущается далеко за чертой своего времени. Это особенно проявляется в культуре, в частности, на примерах развития искусства и именно благодаря актору самоценности его, творений. Научные открытия для потомков значимы лишь как сырье в грядущих исследованиях, и если они таковыми не становятся, то никакая это не наука, это тупики. В искусстве все наоборот. Его шедевры не устилают почву, чтобы по ней идти дальше. Они высятся недосыгаемыми вершинами, восхищая самообытной красотой, неповторимой и невоспроизводимой кем-либо, ибо их ценность в том, что они есть и какие есть.

Так осуществляется связь времен, приобщение к культуре прошлого, но такое, когда последующие поколения общаются с гениями предыдущих эпох непосредственно, как будто они, гении, являются их современниками.

Вот признание В.Солоухина.

"Начиная с первых прочитанных и выученных наизусть стихотворений Пушкина и продолжая читать их в протяжении всей жизни, мы постоянно чувствуем его присутствие в нашем сознании и в нашей душе. Оттого если убрать в каждом из нас полученное от общения с поэтом, мы уже перестаем быть теми, кто мы есть, утратим важные сущностные качества."

Известный отечественный философ и поэт прошлого века В.Соловьев предложил для обозначения этой родственности душ у людей, далеко разведенных временем, понятие "духовная вертикаль". Чуть позже, уже в XX столетии А.Лосев раскрыл указанное понятие в учении о "медиаторах". Это своего рода посредники, в качестве которых утверждаются символы, мифы, вообще знаки, как переосмысленные представители некоего содержания, передаваемого сквозь десятилетия и века.

А в наши дни поэт А.Вознесенский приводит эти разработки к идее "вертикальных" поколений. То не просто люди, живущие в определенной временной очерченности. По большому счету, это собрание единомышленников, которых объединяет сходство образа мыслей и чувств, приобщенность к одной культуре. Они сплываются из людей разных эпох, но принадлежат единой культурной общности. Нет "горизонтальных" поколений, есть лишь "вертикальные" - таково окончательное определение поэта. Иными словами, в горизонтальном срезе

люди, хотя и могут быть единомышленниками, но поколения они не составят, ибо подобное образование задается временной шкалой, и потому здесь требуется уже более высокий критерий приобщенности, нежели при горизонтальной распределенности.

Чтобы сегодняшнему мыслителю, художнику и т.п. стать современником грядущих поколений, необходимо глубокое понимание событий, умение предвидеть, предчувствовать. Таким даром обладают, увы, не многие натуры, действительно талантливые, с большим кругозором. Собственно, они даже не то, что предвидят, а просто улавливают в людях, в их отношениях качества такой душевной высоты, которая не тускнеет со временем, не девальвируется, оставаясь чистой на века. Так, например, говоря о Пушкине, Гоголь пишет, что это русский человек в его развитии, каким он является может быть через двести лет. Вот, насколько далеко вперед заглядывал великий поэт, насколько глубоки были его помыслы и душевные качества.

В теории информации есть закон; чем старше научный факт, входящий в структуру современного знания, тем он информационно богаче, тем значительнее его содержание. Вообще, знания быстро стареют, подчинялись закономерности "исторической отмены факта", поскольку идет постоянное приращение новых сведений. Но если уж что-то задерживается, не "отменяется", а продолжает "трудиться" на науку, то это говорит о его высоком познавательном потенциале. Скажем, теорема Пифагора. Известная с незапамятных времен, она и поныне неизменно включается в школьные программы для усердного студирования учащимися.

Уместна аналогия с эстетической информацией. Чем больше промежуток времени, отделяющий от художника прошлого, остающегося "властителем наших дум", тем выше его духовный потенциал. Так, Пушкин и становится нашим современником. Он как будто среди нас. Разве не ощущается его присутствие?

Но это одна сторона темы. Чтобы образовалась полноценная "вертикаль поколений", необходима "обратная перспектива", способность потомков приобщиться к наследию прошлого. Но это дано не каждому.

В самом деле. Нам лишь кажется, что мы выносим суд произведению искусства. Действительность же состоит в том, что судят

нас; способны ли мы понять великое, приобщиться к большой культуре, войти в поток "вертикального поколения" одним из его составляющих. Или уж отойти в сторону.

Идея "вертикальных поколений" имеет и более узкое смысловое поле - как связь по линии эстетических предпочтений, своего рода художественных школ. Вот что пишет, например, выдающийся немецкий прозаик XX века Т.Манн: "Если бы меня спросили о гених поэзии, которых я люблю и считаю моими избранныками, если бы даже надо было назвать только шесть имен, даже всего четыре имени, я никогда не забыл бы Пушкина". Что касается других трех, то это - Гомер, Шекспир, Гете. Так вырисовывается для Т.Манна "вертикальное поколение" от эпохи древности до нашего столетия.

В.Набоков однажды поделился парадоксальной мыслью. Державин, по его мнению, почти ничего не дал поэзии XIX века, зато обогатил поэтов XX столетия. Развивая это положение, критик А. Чернов замечает. Действительно, ни Пушкин, ни Жуковский, как и многие, не приняли лиры из рук Державина, они были не приемниками, а его реформаторами. В прошлой веке у Державина был лишь один ученик - Я.Тютчев. Зато XX век принес массу его последователей и единомышленников - Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Хлебников, И.Бродский и сам В.Набоков.

То есть наметилось свое "вертикальное поколение", в традиции которого иные художественные установки, нежели те, что восходят к Пушкину.

Благодаря складыванию "вертикальных поколений", осуществляется связь времени через культуру, составляется как бы одна "культурная связка" людей из прошлого и настоящего, намечающая также ориентиры в будущее. А.Луначарский писал об искусстве, что оно - память человечества, "гигантская автобиография нашего рода". Это песнь человечества о самом себе, слагаемая общими усилиями художественных гениев, образующих единую вертикаль поколений культуры. Еще более образно сказалось про то Анна Ахматова, назвав поэзию одной великолепной цитатой.

Теперь заключаем тезисы. Мы уже отмечали самоценность произведений искусства, что и отличает их от науки, которая развивается лишь на "костях" достижений предшественников, устилающих почву для новых открытий. Если же взять науку, то здесь не-

возможны "вертикальные поколения", поскольку ученый прошлого не может стать современником исследователя позднейших формаций в силу того, что он - дитя своего уровня познания и ему не понять новые результаты. И чем дальше во времени отстоит предшественник, тем глубже разрыв. Наука всегда исторична, привязана к конкретному времени, искусство же в этом плане вне истории, ценность его шедевров непреходяща.

М. Г. КРАСИЛЬНИКОВ

О ХАРАКТЕРЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Предметом нашего рассмотрения будут новые черты культуры и системы образования. Поскольку Томск - старейший культурный центр Сибири, вопросы культурного развития, история культуры и ее современное состояние не могут не интересовать томоскую аудиторию.

Прежде всего остановимся на общей схеме, в рамках которой пойдет наше рассмотрение вопросов. Что такое информационное общество? Это современный этап развития мировой цивилизации, идущий вслед аграрной и индустриальной стадиям. Аграрное общество базируется на сельскохозяйственном производстве, использующем естественные богатства и силы природы. Культивируемые растения, прирученные животные, ручной труд ремесленника - вот типичные черты производительных сил этого общества. Основой индустриального общества является массовое производство товаров, достигнутое в результате широкого использования машин и механизмов, скрытых энергетических ресурсов природы - энергии пара, электроэнергии, атомной энергии, что, в свою очередь, предполагает интенсивную эксплуатацию сырьевых ресурсов, освоение недр земли. В информационном обществе решающую роль играют не сельское хозяйство и промышленность сами по себе, а те инфраструктуры - транспортные, энергетические, информационные, которые соединяют современное общество в единое целое.

Любая цивилизация предполагает культуру, но для различных стадий развития общества культура имеет свои особенности. Так, для аграрного общества характерно господство традиций. Традиции здесь выступают носителем культуры, более того, культура здесь тождественна с традициями. Аграрное общество не случайно называет традиционным: общество, столь тесно привязанное к земле, к особенностям данной местности, данного климата, для адаптации к местным условиям должно было пройти достаточно длительный эволюционный путь, отработывая свое взаимодействие с местными, региональными условиями своего существования. Региональные особенности порождали региональные культуры, их многообразие, разнообразие и относительную изолированность, закрытость друг от друга.

Индустриальное общество, тяготея к стандартизации, стирает многие традиции как пережитки и предрассудки, нивелирует региональные особенности образа жизни и культуры. В этом обществе с традицией успешно соперничает новация. И само понимание культуры

здесь каменяется в сторону признания нововведений важнейшей составной культуры. Стадия индустриального общества начинается с первооткрывателей, просветителей и изобретателей, это век науки с ее безудержной погоней за новым знанием, век экспансии техники, эпоха реформ и революций, пора социальных экспериментов, эпоха разрыва с традициями.

Информационное общество, казалось бы, наследует и еще более усиливает это отношение. Однако своеобразие информационного общества заключено в особом отношении к культурным традициям. Стремление к новому сочетается здесь с тягой к традициям, и в этом плане культура информационного общества глубоко противоречива. Результатом ее развития является модернизация культурных традиций. Видимо, центральной характеристикой культуры информационного общества выступает стремление совместить новации и традиции, достигнуть их единства в новом, небывалом синтезе. Эта стадия развития общества вообще синтетична — возьмем, например, столь характерный для нее синтез материального и духовного производства.

Приведенная схема, на наш взгляд, отражает ряд существенных черт реального культурно-исторического процесса. Но не следует преувеличивать познавательную-эвристическую значимость этой модели: в силу ее абстрактности, она не отражает многих внутренних моментов развития культуры, не выявляет противоречия, лежащие в основе культурных изменений. Попробуем рассмотреть некоторые особенности культурного развития информационного общества, наблюдая изменения в системе образования. Особенности общества неизбежно накладывает свой отпечаток и на систему образования, несмотря на ее огромную инерционность и выраженный консервативный характер: как говорится, общественное бытие определяет общественное сознание.

Информационное общество есть общество, активно использующее информационные ресурсы. Отсюда — возрастание значимости проблем получения, передачи, обработки, хранения и использования информации с применением технических устройств. О технической направленности современного образования мы будем говорить чуть позже, сейчас же обратим внимание на саму информацию. Если индустриальное общество ориентировано на научное знание с его всеобщностью и общезначимостью, то информационное общество дополняет эту ориентацию опорой на информацию, имеющую локальную значимость — в определенном пространстве и времени. Научное знание имеет прежде всего теоретическое значение, информация же — практически значима. Одна из существенных

черт образования в информационном обществе - его практическая направленность, что проявляется в первую очередь в возрастании роли в системе образования профессионального обучения. Образование должно быть конкретным - вот лозунг нового образования.

Среди многочисленных следствий подобной ориентации образования выделим непрерывность образования. Конкретность получаемых профессиональных знаний с неизбежностью влечет необходимость регулярной профессиональной переподготовки по мере того, как информация и технологии устаревают. В индустриальном обществе профессиональное образование имело завершенный характер, в информационном обществе этой завершенности принципиально не существует: образование носит непрерывный характер.

Эффективное использование информационных ресурсов предполагает наличие техники. Возрастание удельного веса технического знания в системе образования - объективная тенденция ее развития. Кроме того, практический характер образования придает любому знанию, даже обществоведческому - политическому, социологическому, экономическому, - техническую окраску. Происходит технизация знания - в той мере, в какой знание рассматривается в качестве средства, инструмента для решения конкретных задач, приобретая инструментальный характер.

Итак, доминирующие тенденции нового образования, автоматически вытекающие из особенностей информационного общества, - это, во-первых, профессионализация образования, то есть неуклонное возрастание в системе образования удельного веса и значения непрерывного профессионального обучения, а, во-вторых, технизация образования - как в узком смысле, - в силу использования техники, так и в широком смысле, - в силу инструментального использования знания. Означает ли это, что прагматизм и технизм - признаки культуры информационного общества?

Еще в рамках индустриального общества возникает противоположность "физиков" и "лириков", научно-технической и гуманитарной культур. Конфликт двух культур воспроизводится в информационном обществе на новом уровне, охватывая широкие социальные слои. Бездуховность, потребительская психология, конформизм - это тоже автоматические следствия, вытекающие из особенностей информационного общества. Вместе с тем здесь становится очевидной взаимодополнительность научно-технической и гуманитарной культур, осознается необходимость их единства, намечаются пути преодоления разрыва между ними.

Культура неразрывно связана с культивированием, с определенной коррекцией естественного хода вещей, известным противостоянием ему. С этой точки зрения культура информационного общества - это культивирование ценностных форм сознания: экологического, правового, нравственного, религиозного, художественного, философского. Направленность образования как элемента культуры на формирование ценностных установок сознания обусловлена самой логикой развития довременного общества. Но это - не автоматическое или естественное следствие движения общества, это - осознательный, осознанный выбор. Это культура в подлинном смысле.

Движение от объективистского, этически-нейтрального знания индустриального общества к ценностным формам сознания является необходимостью для общества информационного, отличающегося динамикой своего развития. Общество меняется буквально на глазах человека, его рост опережает рост человека. Человек оказывается живущим в изменяющемся, нестабильном мире. В условиях нестабильности окружающего мира необходима стабилизация духовного мира человека, которая осуществима лишь на путях приобщения к непреходящим ценностям мировой и национальной культур. Возвращение к культурным традициям, к истокам культуры - это требование сегодняшнего дня: это не уход в исчезнувшее прошлое, а способ фундирования настоящего и будущего. В этом смысле далеко не случайно религиозное возрождение наших дней: оно продиктовано не ностальгией по прошлому, а злостью дня.

Подводя итоги, отметим самое главное. Культура информационного общества с формальной стороны представляет из себя единство новаций и традиций. Прагматизм и техницизм есть не более чем поверхностные черты современной культуры. Как это ни парадоксально, с оодермательной стороны культуре информационного общества не присущ технический характер. Технический характер имеет современная цивилизация, культура же носит ценностный характер, и формирование ценностных форм сознания - важнейшая культурная задача системы образования информационного общества.

ГУМАНИЗАЦИЯ НАУКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТА

Сегодня наука переживает смену научной парадигмы, качество но меняется представление о мире, о человеческой природе, о роли духовного начала.

По существу, в нынешнем столетии возникла новая "картина мира" (2; 5). Известно, что парадигма науки - это всегда больше, чем просто теоретическая модель. Парадигма несёт в себе не только познавательный, но и нормативный смысл: она определяет проблемное поле исследования.

В научном мире повышен интерес к гуманитарным проблемам. Происходит "гуманизация науки" - явление, значение и последствия которого по-настоящему ещё не осознано.

Гуманизация науки выражается в смене собственных естественнонаучных интересов. Всё большее число физиков, математиков, биологов, естественников интересуют проблемы, содержащие гуманитарные составляющие (биоэтика, проблема коэволюции, ноосферогенеза, этосферы, трансперсональная психология и т.д.).

Меняется и "шкала ценностей" в исследовании учёных. Нынешнее поколение уже на себе испытало "грехи цивилизованного человечества", и постепенно формируется понятие "роковой или запретной" черты, экологического императива. А вместе с этими понятиями пришло осознание необходимости "нравственного императива".

Возникает, хотя и медленно, понимание того, что решение кризисных проблем, в том числе и глобальных, может идти только нравственными путями. Включённость человека в качестве активного агента мирового эволюционного и исторического процессов. Превращение духовного мира человека в определяющий фактор развития человечества. Речь идёт вплоть до антропокосмического гуманизма (академик Н.Г. Холодный).

Гуманизация науки усиливает значение общей гуманитарной культуры в профессиональной подготовке студентов.

Профессия есть не только выбор определённого рода деятельности и приобретение соответствующих знаний и умения. Акт профессионального выбора выступает как "представитель" цельной личности. В профессиональном выборе рефлектируют такие исключительно важные морально-этические феномены, как свободы личности,

омысл человеческого существования, реализация человеческих сущностных сил и способностей, что объективно превращает каждый профессиональный выбор в свободный нравственный выбор. Профессиональное становление есть одновременно нравственное мироотношение личности в его индивидуально-творческом выражении.

В свете вышесказанного понятно, насколько важно при профессиональной подготовке формировать интегральное мировосприятие, мировоззрение, в котором осознавалась бы целостность мира и человека. В системе образования до сего времени ощущается разрыв профессиональной подготовки и духовного, целостного формирования личности. Одним из результатов того разрыва является деиндивидуализация личности, её дегуманизация. По справедливому замечанию психолога В.Кочубея, "есть два качественно различных состояния человека - индивидуализированное (состояние личности) и неиндивидуализированное... В неиндивидуализированном состоянии человек совершает действия, определяемые обстоятельствами... Только в индивидуализированном состоянии человек может совершать поступки, которые он выбирает свободно и за которые чувствует личную ответственность" (3). Неиндивидуализированный человек пытается отступить от внутренней самоопределённости компенсировать какими-то внешними "опорами".

В определённом смысле распад нашего общества - это неизбежное следствие его деиндивидуализации, дегуманизации.

Теперь всем очевидно, что приоритет духовно-интеллектуального потенциала человека должен быть в центре внимания. Только через эту сферу возможно сколько-нибудь адекватное решение большинства задач нашего общества вплоть до глобальных. Батищев Г.С. пишет по этому поводу: "...лишь вырастивший себя из абсолютных высших ценностей и самоопределившийся в них, обретший через них субъект способен разобраться в так называемых практически-реальных задачах и загадках текущей истории общества... Только такой человек способен справиться с задачами ситуативно-социальными..." (1, 15). В процессе деиндивидуализации общества определённую роль сыграла и существующая система образования.

К сожалению, приходится признать, что теоретической основой деиндивидуализации выступили прежде всего гуманитарные дисциплины, такие как педагогика, социальная психология, этика и др. Исходной догмой гуманитарного мышления была идея тотальной детерминации человека социальной средой, отчётливое понимание человека

как продукта среды, как результат воздействия последней, что привело к утверждению абсолютной управляемости человеческим поведением.

Подобные догмы не могли не породить и соответствующие методы и способы обучения и воспитания. В образовании и по сей день ведущей остаётся субъектно-объектная схема обучения или, как говорят философы, субъектно-объектная парадигма, согласно которой учитель выступает как человек-дел, творящий ученика по заданной схеме (в соответствии со своим миропониманием или социальным заказом), а ученик - объект, пассивный, старательный и т.п. Батисов Г.С. описывает данную парадигму относительно этики: "...теоретики морали преподносят всем ценностные нормы, уподобляя их детерминациям, налагаемым на субъекта извне, или принадлежащим хозяйственно-экономической сфере, политике и праву, т.е. цивилизационному ярусу человеческого бытия... Фаталистская манера предъявляет требования к личности... всё это не изжитые элементы наследия субстанциалистского мировоззрения, хорошо служившие авторитарному манипулированию людьми" (I, 17).

Подобные "перекосы" в преподавании позволяли и открывали возможности формировать те квазинравственные, квазиэстетические и т.п. типы личностей, которые характеризовались эклектичностью осведомлённостью в вопросах искусства, морали, эстетического и этического просвещения, но у них отсутствовало интимно-индивидуальное восприятие и сопереживание, все эти знания не становились их внутренним миром, не стали сугубо-личностным самоопределением, а принимали характер внешних признаков образованности и просвещённости.

Процессу дегуманизации в значительной мере способствовала и способствует существующая до сих пор в системе образования предметная структура знания, при которой наши знания разделены на два разных комплекса - естествознание и гуманитарные дисциплины. Принцип взаимоотношений, зафиксированный в этой структуре и фактически разрушающий человека и природу, автоматически переносится и на систему профессионального формирования человека и на его отношения с природой и другими людьми.

Как справедливо пишет К.Льюис: "Старинный мудрец прежде всего думал о том, как сообразовать свою душу с реальностью, и плоды его раздумий были знания, самообуздание, добродетели... прикладная наука думает о том, как подчинить реальности своим хотениям, плод их - техника, применяя которую можно делать много, что

считалось кощунством..." (4, 56). При такой структуре образования идёт формирование, в лучшем случае, историка, физика, математика, но не самостоятельной уникальной личности в её целостности и внутренней самоопределённости. Многие авторы предлагают, начиная со школы, отнести значительную часть учебного времени для дисциплин гуманитарного профиля (истории, литературы, этики и эстетики), ввести более широко факультативы по гуманитарной проблематике и т.п. Необходимо более широко охватить гуманитаризацией технические вузы. Известно, например, что в некоторых технических вузах Америки гуманитарным дисциплинам отдают до 40 процентов времени. Неверно бы было полагать, что гуманитаризация образования способствует простому расширению кругозора или формированию логического мышления. С гуманитаризацией образования связаны более глубокие и важные процессы становления личности. Естественно, просветительская функция присутствует и в этике, и в эстетике, и в философии, и других общественных науках.

Гуманитаризация образования, являясь важнейшим средством и условием гуманизации образования, вместе с тем выступает не достаточным и не единственным в этом процессе. Гуманизация образования не есть просто его механическая гуманитаризация и введение гуманитарных дисциплин в образовательный процесс.

Гуманизация образования предполагает осознание "человеческого лица" изучаемых дисциплин любого профиля, формирования деятельной и всесторонне развитой личности. Эта фундаментальная цель гуманизации образования требует изменения структуры как самого содержания образования, так и методiku этого процесса. В содержательном плане представляется целесообразным усилить этическую, эстетическую, мировоззренческую направленность специальных учебных программ по техническим дисциплинам. Освоение этих дисциплин должно не только способствовать профессиональной подготовке, но и должно формировать научное мировоззрение, ответственное и уважительное отношение к труду, формировать высокие гражданские качества. Необходимо, чтобы специальные естественные науки выполняли и свои мировоззренческие функции.

Гуманизация образования предполагает и качественное изменение методик образования и обучения. Известный педагог

Ш.А. Амонашвили сказал, отвечая на вопрос о сути школьной реформы, что суть реформы в изменении метода общения. Нам

представляется, что изменение метода обучения связано прежде всего с введением активных способов обучения, с активной позицией личности в процессе обучения, т.е. принципом "соучастия". Активные методы обучения (практические занятия, эксперименты, дискуссии, проблемные лекции, деловые игры и т.п.) ориентированы на самого обучающегося, они позволяют реализовать знания в конкретных делах. Активные методы обучения предполагают поведение внутренне регулируемое, основанное на убеждении. Большинство авторов считают, что на смену существующей субъектно-объектной парадигмы обучения должна прийти парадигма "сопричастности", "соучастия", межсубъектности. Задача гуманитарных наук - научить человека самоопределяться, в том числе нравственно. Такая парадигма позволит органично соединить профессиональные и личностнообразующие начала.

Литература

1. Батищев Г.С. Перестройка и нравственность//Вопросы философии. 1990. № 7.
2. Гроф За пределами мозга. М., 1993.
3. Кочубей Б. Действия и поступки//Знания - сила. 1991. № 7.
4. Льюис К. Человек отменяется//Знания - сила. 1991. № 12.
5. Моисеев Н.Н. Вернадский и современность//Вопросы философии. 1994. № 4.

З.О.Шварцман

**УЧЁТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В ПОДГОТОВКЕ И ПЕРЕПОДГОТОВКЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В УНИВЕРСИТЕТЕ**

Трудно переоценить роль подготовленного в университете учителя в выполнении функций образования и процессах трансляции культуры. Особенно в современный период реформирования образования, когда университеты становятся крупными региональными центрами обучения, исследования и культуры.

Потребность в высококвалифицированных преподавателях с университетским образованием постоянно возрастает в связи с введением новых форм среднего образования (гимназий, лицеев, колледжей, различных училищ), школ и классов с углублённым изучением предметов, а также новых информационных технологий обучения. Однако многие проблемы университетского педагогического образования нуждаются в специальных исследованиях. Особенно актуальны исследования многоуровневой подготовки педагогов с университетским образованием в условиях нашей страны с учётом региональных требований, в том числе регионов Сибири и Дальнего Востока.

В Томском государственном университете проводится систематическая исследовательская работа по проблемам подготовки преподавателя математики и информатики. Изданы монографии, среди которых следующие: Шварцман З.О. "Профессионально-педагогическая подготовка учителя в университете" (1991), Шварцман З.О. "Подготовка учителя математики в университете" (1983). Издан ряд пособий для преподавателей. По проблемам подготовки преподавателя математики и информатики в университете опубликовано более 100 работ в центральной печати и за рубежом.

Значительная часть результатов внедрена в учебно-воспитательный процесс. Среди других специалистов механико-математический факультет ежегодно выпускает подготовленных в специальных учительских группах преподавателей для средних учебных заведений. В течение нескольких десятилетий такая подготовка успешно осуществляется в тесном контакте с органами народного образования Томской области. Следует также отметить, что в течение 16 лет в ТГУ проводились летние курсы повышения научной квалификации преподавателей математики школ Сибири и Дальнего Востока (для европейской части страны подобные курсы проводились при МГУ).

Инициативой в сотрудничестве с Институтом к многоуровневой системе университетского педагогического образования для выполнения исследовательской программы "Университеты России" в ТГУ создана и более трёх лет функционирует лаборатория проблем подготовки преподавателей математики и информатики в университете. Основными целями проводимых в лаборатории исследований - выявление оптимальных возможностей подготовки преподавателей в университете в условиях перехода к рыночным отношениям и введения многоуровневой системы, а также разработка новых и совершенствование уже известных технологий подготовки преподавателей математики и информатики.

Для достижения этих целей необходимо решать следующие основные задачи:

- обоснование новых принципов университетского педагогического образования с учётом экономической ситуации и региональных особенностей;

- разработка структуры и содержания системы подготовки и переподготовки преподавательских кадров в условиях непрерывного образования;

- разработка и внедрение научно-методического обеспечения учебно-воспитательного процесса по формированию творческой личности будущего преподавателя математики и информатики для различных типов учебных заведений.

Решение перечисленных задач сочетается с выполнением заданий по разработке федеральных и региональных компонентов проектов государственных стандартов университетского педагогического образования. О результатах исследований в этом направлении мы доложили на международной конференции "Подготовка преподавателя математики и информатики для высшей и средней школы" в Москве в мае 1994 г. Отдавая должное роли фундаментальной, общей, специальной и профессиональной подготовки, мы полностью разделяем мнение академика Л.Д.Кудрявцева, что "наиболее трудной частью образования является не профессиональное обучение, а нравственное воспитание, без которого высокая специальная квалификация теряет свою ценность" [1]. Будущий преподаватель должен не только знать о высоких общечеловеческих морально-нравственных принципах, но и обладать чувством долга и ответственности за свою деятельность. Это учитывается при внедрении результатов исследования в учебно-воспитательный процесс.

Мы убедились в том, что необходима целенаправленная воспитательная работа, основанная на профессиональной структуре. Такие формы внеучебной деятельности в области воспитания будущих педагогов, как педагогический отряд, шефская работа с учащимися, следует развивать в новых условиях. Особенно в связи с исследовательской работой студентов над проблемами обучения и воспитания учащихся. Это способствует формированию профессиональной ментальности у будущих педагогов [2].

Проведённые нами исследования и накопленный многолетний опыт свидетельствуют о благоприятных возможностях формирования профессиональной ментальности в специальных учительских группах с I курса в течение всего периода обучения в университете. У будущих педагогов формируется система ценностных ориентаций, готовность к сложной и многогранной педагогической деятельности в современных условиях, стремление к самосовершенствованию и самовоспитанию. Конечно, на это положительно влияют прочные связи университета с органами образования и учебными заведениями, функционирование учебно-научно-педагогического комплекса на уровне факультета и базовых школ.

В настоящее время определённую опасность представляют попытки механического переноса моделей зарубежной многоуровневой структуры на нашу почву. Хорошие традиции в российском педагогическом образовании необходимо сочетать с новыми подходами к его совершенствованию [3]. Важно использовать и новые технологии обучения [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев Л.Д. Образование и нравственность. - М.: Изд-во ПНИМС, 1994. - С. 26.
2. Оборина Д.В. Об особенностях ментальности будущих педагогов и психологов //Весн. Моск. ун-та. Сер. I4, психология. 1994. № 2. - С. 41-49.
3. Шварцман Э.О. Университетское педагогическое образование в многоуровневой структуре //Высшее образование в России. 1993, № 3. - С. 79-83.
4. Шварцман Э.О. Новые технологии обучения в профессиональной подготовке учителя //Нетрадиционные формы и методы обучения и контроля качества знаний. Межвуз. сб. науч. тр. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1994. - С. 157-160.

Б.Н. ПОИЗНЕР

ТОМСКАЯ ТРАДИЦИЯ КНИЖНОСТИ И ПЯВЛЕНИЕ ГИПЕРЧИТАТЕЛЯ

Подлинный индивидуализм
разборчив, односторонен
и аристократичен. Человеческое же XX столетия мучим желанием зараз исполниться всем.

Постмодернизм - это вопрос о статусе слова вообще.

В.Тодоров, 1991

Ф.Степун, 1936

Среди традиций культурной жизни Томска во второй половине XX столетия активное чтение занимает по-прежнему заметное место. По наблюдениям автора, по крайней мере с конца 1950-х гг., томичи-собиратели книг составляли "незримый коллектив". Городской клуб книголюбвов официально организовался за два года до учреждения в 1974 г. Всесоюзного общества. В 1970-80-е гг. в городе действовало не менее десяти устойчивых объединений любителей книги, отличавшихся составом участников и - в известной степени - своими задачами. Положение, которое среди них занимал клуб библиофилов при Научной библиотеке ТГУ, определялось имевшейся лишь у него возможностью вести исследования истории книжной и издательского дела. Крупные (более 3 тыс. изданий) и ценные книжные собрания принадлежали - приблизительно поровну, по оценкам автора, - как потомственным томичам, так и тем, кто занесла в город ссылка или эвакуация. Обращало на себя внимание разнообразие структуры личных библиотек. Так, собрания С.Вавилова, В.Домашевского, А.Казачкова, Э.Майданька, В.Суздальского выделялись обилием краеведческих материалов; библиотеки В.Макашина, И.Разгона славились редкими изданиями по мировой и стечественной истории; книжные коллекции В.Гарденкина, В.Кузнецова, Н.Поизнера, В.Рудакова, В.Цейтлина воплощали стремление полнее отразить универсум культуры; итоги собирательской деятельности Б.Лобанова, В.Миневича, Г.Молчанова демонстрировали их библиофильскую изощренность. С коллекционерским азартом действовали искатели изданий по одной или нескольким близким темам: "Слова о полку Игореве" (В.Марьин), жизнь и творчество Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Цветаевой (Л.Хомякова), эфористика (В.Шеметов) и др. На примере развития книжной традиции в Томске можно было наблюдать проявление

закономерностей, связанных с просачиванием культурного феномена из одной субкультуры в другую. Для описания подобных процессов оказался бы плодотворным подход Г.Эйкаловича (1972 г.), удачно воспользовавшегося в качестве содержательной модели понятием осмоса.

Смена культурожизненных ориентиров в обществе на рубеже 1980-90 гг. и исчезновение российской системы книгораспространения вызвали в провинции упадок деятельности книголюбов. Судьба книжной культуры на пороге XXI в. проблематична и уже этим интересна. Но как проявится наша традиция книжности в "позднепечатную эпоху" (термин Дж.Боултера, 1991) ? Ожидая, что этим вопросом зададутся культурология вместе с краеведением, автор начал с отбора суждений о новых возможностях чтения.

Иерархической системе картин мира, чьей структурой и эмблемой олулит Мировое древо), отвечает (по терминологии Ж.Делеза и Ф.Гваттари) "книга-дерево". Процесс ее чтения - по степени напряженности - С.Крижановский классифицирует так: "Книжное почитание" (со ссылкой на Кирилла Туровского, учившего, что книжное знание - сокровище вечной жизни); чтение, производимое с выбором, причем писатель представляется равным и потому понятным читателю; почитывание книг, когда "глаз, берущий страницу по диагонали" (Э.Фега), занят не столько отбором нужного, сколько отбрасыванием ненужного. Для традиционного чтения существенна связь авторства, означающего "неповторимость творческой инициативы и вызванного ей историко-литературного события" (С.Аверинцев, 1993), с авторитетом текста. Пока идеал литературы остается нормативным, доказывает Аверинцев, авторство есть в некотором роде авторитет, оспаривающий другие, ему подобные, и оспариваемые ими, осознанно пребывающий в состоянии спора, длящегося, пока длится бытие литературы. Сама длительность ее предполагает разнообразие и смену тенденций. Пример - В.Розанов, сожалеющий: "Как будто этот проклятый Гутенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились "в печати", потеряли лицо, характер; мое "я" только в рукописи, да "я" и всякого писателя". В противовес традиции печатной эпохи Розанов создал жанр "Мимолетного" и "Уединенного": черновиков, записей беглых мыслей за каким-то делом, адресованных самому себе. В создании подобных текстов читательское участие не предусмотрено в принципе.

Постмодерн, как известно, отличается горизонтальная (а не иерархическая) система картин мира; принципиальная множественность

суждений о нем; отсутствие претензии на соотношение текстов культуры с реальностью. Палимпсест, центон, коллаж - ключевые метафоры постмодернистской культуры. Испытываемую ею утрату потребности в книге рефлектирует (в 1991 г.) Ив. Дидеот "Мы и не думаем преобразиться в акте чтения или ставить свой взгляд на мир перед испытанием - ничего подобного; нам предварительно ясно все, что было или могло быть в книгах. Мы не читаем, мы информируем себя о том, кто и до чего дошел в выговаривании истины... Сама книга - это своего рода подмигивание в разговоре, что так много раньше". Тексты теперь соотносят с другими текстами (Т. Клименкова, 1991). Более того. Естественный постмодернистский текст, отвергающий парадигму объективной реальности с ее императивом радикального выбора ИЛИ-ИЛИ, а взамен учреждающий модель читательского поведения И-И-И (Дж. Эл. Дуглас, 1991), можно и нужно многообразно соотносить с самим собой. Мир оттая хаосом, писали в 1976 г. Делез и Гваттари, но книга оотается образом мира. А поскольку постмодерн утверждает множественность (а противоположность системности), то для характеристики постмодернистского произведения ими предложен (как антипод "книги-древа") термин ботаники "ризома": подобный корню стебель, растущий вдоль или под землей и производящий многочисленные корневые волоски, а также побеги. По их убеждению, истинные множественности обладают свойствами ризомы, выдвинутой как модель мышления. Кстати, одновременно обратился к сходному образу Бродский: "При всей своей красоте четкая концепция всегда означает сужение смысла, отсечение всяческой бахромы. Между тем бахрома - то как раз и важнее всего в мире феноменов, ибо она способна перелетаться".

Книга-ризома располагает эту бахрому, эти множественности в одном измерении. В этом отношении идеальной представляется та, где биографический, концептуальный пласты содержания совмещались бы на одной странице. Ризома может быть разорвана, расчленена в любом месте; она возобновляет свой рост в направлении, заданном одной из линий или линиями другой ризомы. Однако разрушение "книги-древа", предсказывали Делез и Гваттари, означает не смерть книги, но новый способ чтения: когда комбинации и перемены исходят не из недр книги, а зависят от связи с внешним, когда книга становится предметом не понимания и интерпретации, а эксперимента и деконструкции (т.е. "разрушения" и "восстановления" смысла текста без выхода за его рамки). Структура и несеквенциальность (т.е. нелинейность, непоследовательность) книги-ризомы отчасти

возложены русскою словесностью, а наиболее полно - в гиперромане "Полдень" американца М.Джойса (1990), читаемом на экране компьютерного дисплея, что позволяет широко манипулировать последовательностью и набором эпизодов повествования. "Полдень" - прецедент множественной литературы (или гиперхудожественной литературы), которая, по меткому слову автора, рассчитана на взаимодействие читателя, изменяющего в соответствии со своими потребностями актуальное состояние текста (хотя все производимые трансформации учитывают внутреннюю логику гиперкниги).

Конструктивный гипертекст, или несекьюциальное письмо, управляемое читателем (понятие ввел в 1960-е гг. Т.Нельсон), создает новый статус: читатель-как-писатель, осуществляя "отрешение освободиться от авторитаризма авторства" (М.Джойс, 1991). Нетрудно видеть, что такое гиперчтение есть словесный аналог разворачивающегося ныне конструирования динамических виртуальных реальностей (на основе систем, содержащих компьютер, связанный с комплектом датчиков на теле человека, чьи зрение и слух изолированы от внешней среды) - как в одиночку, так и совместно. Здесь стоит учесть ряд соображений. Дело не в том, чтобы создавать некое новое собственное знание, - разъясняет Дж.Бриггер взаимную свободу отношений внутри гипертекста, - а в том, чтобы заниматься этим в сообществе с теми, кто разделяет наше понимание культуры. По мнению А.Гониса, множественное чтение способно привлечь к литературе (а она намного древнее всякой письменности) подростков, вырастающих не на книгах, а на симулякрах - миражных объектах, поставляемых электронными средствами информации. М.Джойс уверен, что множественная литература - первый признак слияния нарративных ("повествовательных") искусств и науки, опирающейся на компьютерное моделирование реальности.

Итак, следует возможно точнее оценить социокультурный потенциал нового типа коммуникации, формирующей общность координаторов текста, который физик назвал бы нестационарным и недетерминированным, но не хаотическим. М.Хайдеггер учил, что чтение ведомо и неведомо собиранием: собиранием написанного. Не возникает ли еще один мотив чтения: гиперкнига? А тогда - где место книжной традиции в промискуальной культуре? И каков облик рождающегося гиперчитателя?

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО

Творческое наследие Е. В. Берви-Флеровского изучено весьма слабо. Очевидно, это объясняется тем, что официальная советская историческая наука, раз и навсегда определив его как социалиста-утописта, не считала более нужным дальнейший научный анализ его философских, экономических, художественных и мемуарных произведений.

В 1979 году томский историк Г. Х. Рабинович (рано ушедший из жизни) опубликовал статью "В. В. Берви-Флеровский в Томске" (1), в которой он называет пять работ, посвящённых жизни и творчеству В. В. Берви; их авторы: Аптекман О. В., Подоров Г., Рязанцев Т. С., Плакида М. М., Дружинин Н. М. В 1985 году издана хрестоматия "Утопический социализм в России" (2), где есть краткая справка о Берви-Флеровском и отрывки из его сочинений. Здесь в качестве источников называются те же самые работы тех же авторов, что были названы Г. Х. Рабиновичем. Не изменилось положение и сегодня. Томский учёный первым обратился к анализу сибирского периода жизни выдающегося революционера, так определяя свои цели: "... на основании трудов В. В. Берви-Флеровского, его мемуаров, воспоминаний о нём, архивных и иных источников... выяснить обстоятельства пребывания революционера в Томске, характер его взглядов в этот период, характеристику им положения трудящихся в Томске" (1, 69).

Это подход историка, который характерен и для других авторов. Так, Г. Подоров и Т. Рязанцев обращаются — один к экономическим, а другой к философским взглядам В. В. Берви.

Пока остаётся в тени то духовное богатство и трудов Берви, и самой его жизни, которое так сильно привлекало современников и может быть полезным сегодня.

Незаурядна и притягательна личность Василия Васильевича Берви. Н. В. Щелгунов говорил о нём: "По чувствам это был Христос и в то же время самый фанатический народник, самый ярый революционер" (2, 448).

А вот свидетельство двух совершенно противоположных друг другу по мировоззрению, человеческому характеру, образу жизни и т. д. людей о Берви-Флеровском. Одно принадлежит Льву Толстому, о чём рассказал М. Горький в своих воспоминаниях о великом

русском писателе: "Я стал рассказывать о том, как Флеровский - высокий, длиннородый, худой, с огромными глазами, - надев длинный парусиновый хитон, привязав к поясу узелок риса, варёного в красном вине, вооружённый огромным холщовым зонтом, бродил один по горным тропинкам Закавказья... Вдруг я заметил на глазах Л.Н. олёзы, это смутило меня, я замолчал.

- Это ничего, говорите, говорите! Это у меня от радости слушать о хорошем человеке. Какой интересный! Мне он так и представлялся, особенным. Среди писателей-радикалов он - самый зрелый, самый умный, у него в "Азбуке" очень хорошо доказано, что вся наша цивилизация - варварская, а культура - дело мирных племён, дело слабых, а не сильных, и борьба за существование - лживая выдумка, которой хотят оправдать зло..."(3,164). Л.Толстой со ссылается здесь на одну из самых популярных работ В.В.Берви-Флеровского "Азбуку социальных наук".

Другое свидетельство принадлежит Карлу Марксу. В своём отзыве о книге В.В.Берви-Флеровского "Положение рабочего класса в России" К.Маркс писал: "Это - труд серьёзного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и прежде всего человека, возмущённого против гнёта во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно дедающего все страдания и все стремления производительного класса"(4,39). Известно, что К.Маркс стал изучать русский язык для того, чтобы прочитать этот труд В.В.Берви-Флеровского.

Следует заметить, что книгу "Положение рабочего класса в России" В.Берви задумал и начал писать в Томске, находясь здесь в ссылке с июня 1865 по июнь 1866 г. г. Этот период в жизни В.В.Берви, кроме статьи Г.Х.Рабиновича, ни в каких исследовательских работах не отражён и не изучен. Между тем этот ссыльный год был плодотворен и типичен для жизни Василия Васильевича: достаточно напомнить о его борьбе с губернатором Лерхе, о помощи ссыльным полякам, пропагандистской деятельности, исследовательской работе и т.п.

Итак, столь разные люди, какими были К.Маркс и Л.Толстой, с явным увлечением, едва ли не с восторгом (у Л.Толстого олёзы на глазах проступили), отзываются не только о сути произведений В.Берви, но и о его человеческой личности, вызывая при этом открытое восхищение.

Едва ли не самой важной и самой привлекательной чертой личности В.В.Берви-Флеровского была постоянная, напряженная, глубинная духовная жизнь. Он сам признавался: "У меня было две жизни: одна - среди людей, тяжёлая, мучительная, другая - в мире книг, в мире мысли и благородного возвышенного чувства, которую я тщательно скрывал от всех"(5,II).

Богатая внутренняя жизнь помогла Василию Васильевичу перенести и пережить очень многое. Он отказался от блестящей карьеры государственного чиновника самого высокого класса, за что и получил: под конвоем жандармов и полицейских проехал 19 тысяч вёрст, 3500 вёрст прошагал пешком, сидел в 32 острогах, жил solitary в 9 городах, несколько лет провёл в одиночном заключении, 8 месяцев - в оумаследшем доме. А сверх того - тяжёлые разочарования в людях, жестокие потери детей, нищета, болезни и многое другое. Но всё равно он остался верен себе и своим представлениям об истинно человеческой жизни.

В 1876 году в III отделение был представлен доклад, в котором были приведены следующие показания В.В.Берви-Флеровского: "Интеллектуальное развитие даёт человеку несравненно более удовлетворения и счастья, чем вещи и богатство, стремление же к интеллектуальному развитию побуждает людей делиться им и распространять его вокруг себя и таким образом устанавливать между людьми солидарность отречения; исключительное же сосредоточение своих помыслов на приобретении богатства порождает между ними разнь, и потому нужно всячески стараться давать, в особенности в образованном классе, преобладание первому стремлению над вторым"(6,II6). Рассказ о такой напряжённой интеллектуальной жизни содержится и в автобиографическом романе В.Берви "На жизнь и смерть"(7). Автор предваряет в предисловии: "...здесь изображаются люди, суть жизни которых - это их мысли; не изображать их мысли - значит отнять у них то, что в них живого...". Великая же задача таких людей - научить мыслить всех других, сделать это первейшей потребностью, ибо правильное мышление, разум и верное понимание счастья - вот решающие условия для нового общества. Каким должно быть общество будущего? Если суммировать представления о нём В.Берви, то признаками такого общества будут: уничтожение частной собственности как источника богатства и как ис-

точника эксплуатации одного человека другим, - свобода личности, полное политическое, юридическое и экономическое равенство всех граждан, - труд, как главное условие успешного развития общества и счастья всех людей.

Мы в нашей стране уже однажды уничтожили частную собственность, но не достигли всех остальных признаков будущего общества, которое виделось В.Берви. Сегодня мы восстанавливаем частную собственность и, значит, вовсе уходим от общества, которое грезилось революционеру-мечтателю, как он сам себя называл. Так пригодится ли нам сегодня опыт жизни и размышлений В.В.Берви-Флеровского? Если восстановление частной собственности заранее отменяет выполнение всех других качеств нового общества: свободу личности, политическое, юридическое равенство всех граждан и т.п., то есть именно то, что сегодня провозглашается в качестве стратегической цели, то, наверное, небезполезно поразмышлять над трудами В.В.Берви-Флеровского.

Но не менее важно, что в жизни Берви, в его произведениях, можно и нужно почерпнуть ту духовную крепость, которая сегодня особенно нужна всем нам, чтобы не забыть об истинных человеческих ценностях, которые не имеют рыночной цены, чтобы не попасть во власть лавочников. Взятые в целом, вместе и жизнь, и борьба, и творчество В.В.Берви-Флеровского предстают как бесценное духовное завещание, пока ещё, к сожалению, не востребованное и не до конца осмысленное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабинович Г.Х. В.В.Берви-Флеровский в Томске //Томску 375 лет. Томск.Изд-во ТГУ, 1979. -С.68-78.
2. Утопический социализм в России. М., 1985.
3. Горький М. Портреты. М., 1963.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Переписка с русскими политическими деятелями. М., 1951.
5. Берви-Флеровский В.В. Записки революционера-мечтателя. М.; Л., 1929
6. Алтекман О.В. Василий Ваasilевич Берви-Флеровский. Л., 1925
7. Берви-Флеровский В.В. На жизнь и смерть. Изображение идеалистов. Роман в трёх частях. Минева, 1877.

Г.С.КРИНИЦКАЯ
ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
СИБИРИ

Философия права являлась одним из ведущих направлений русской общественной мысли конца XIX - начала XX веков, но, возможно, в силу её сложной специфики она по сей день остается за пределами границ исторического интереса. А между тем именно эта интеллектуальная традиция, внесшая громадный вклад в борьбу против господства в России негативного отношения к праву, представляет собою самое ценное наследие русского либерализма.

Конец XX века, ставший для России новым испытанием на способность власти к организации правового государства, на способность народа к созданию гражданского общества, вызвал к жизни настоятельную потребность восстановить богатейший запас правовых идей отечественных мыслителей, среди которых видное место занимали сибирские ученые.

К числу известных в Сибири специалистов по философии права принадлежал профессор Томского императорского университета И.В.Михайловский (ученик Б.Н.Чичерина).

Достаточно представляя либеральную традицию, И.В.Михайловский много сделал не только для преодоления привычно бытующего в стране правового нигилизма, но и для создания в первом университете Сибири собственной школы философии права.

Основные, концептуальные положения правовой философии были изложены И.В.Михайловским в его фундаментальном труде "Очерки философии права". Уже во введении в "Очерки" автор объявляет себя стойким противником позитивизма, на почве которого, как известно, произрастал материализм и стоят все современные законодатели России.

Согласно философской концепции И.В.Михайловского, человек есть существо метафизическое. Метафизические запросы определяют собою его мировоззрение, а мировоззрение определяет все поведение человека, его свободу. Отсюда следовало, что идея свободы есть метафизическая данность.

Из метафизического же начала выводил он и идею права, которую рассматривал как часть мирового этического порядка, существующего объективно, независимо от того, сознают ли его люди или нет. "Если этическая жизнь земли, - пишет он, - входит в состав мирового этического порядка, если для совместной деятельности людей необхо-

димом организованное общество, т.е. необходимо право, т.е. сама идея права есть часть мирового этического порядка".

Это и есть, по теории И.В. Михайловского, абсолютная идея права синтез общественного порядка и личной свободы. Абсолютная идея права не допускает ни превращения личности в средство для общественных целей, ни превращения общества в средство для благополучия личности; она говорит: "Каждому - свое".

Из абсолютной идеи права, считал Михайловский, вытекает и естественное право, как совокупность наиболее общих принципов и норм. Принципы и нормы естественного права отличаются полной определенностью, ясны и понятны для каждого человека, для всех времен и народов, поскольку утверждают "воздай каждому свое", "повинуйся законной власти", "управляй для общего блага", "исполняй заключенный договор". Поэтому положительным правом может считаться только такое, которое реализует естественное право в конкретной социальной среде.

В конечном счете право есть результат развития истории культуры и должно выражаться в формуле: право - это свобода, определяемая общим этическим законом.

Резко выступая против позитивистов, отрицающих метафизику, а следовательно, и духовную субстанцию человека, Михайловский утверждает, что подобное отрицание должно естественным образом привести к отрицанию прав человека, как такового, невозможности появления у него правового сознания.

В самом деле, ведь даже наиболее выдающийся позитивист XIX века Джо Миль вынужден был заявить о полной невозможности объяснения факта правосознания человека, если оставаться на почве позитивизма.

В этой связи возникает закономерный вопрос: каковы же источники права?

И.В. Михайловский выделяет в общей сложности три источника права: 1) метафизический источник - это, как уже говорилось, абсолютная идея права; 2) материальный источник - это субъективное правосознание личности; 3) формальный источник - высший авторитет, т.е. верховная власть.

Наиболее спорными источниками права всегда выступают два последних, которые выдаются за само право. В действительности же, как указывает Михайловский, субъективное правосознание не есть право, а всего лишь личное мнение о праве, уже существующем или желательном.

Отсюда он делает чрезвычайно важный вывод о том, что и те правовые идеалы, которые живут в сознании руководящей правящей части общества, создавшей законы, также являются субъективным правосознанием, и, следовательно, "здесь не может быть и речи ни об абсолютном характере соответствующих идеалов, ни о безусловной их обязательности"².

Что же касается второго источника права — верховная власть, то, по мнению Михайловского, только с формальной точки зрения закон есть воля верховной власти, а в действительности верховная власть отнюдь не есть творец закона; она лишь формулирует юридические нормы, содержащиеся в абсолютных началах естественного права. Исходя из этого, Михайловский так определяет свое главное философское кредо: "никакая власть не может быть выше закона".

Но провозгласив право выше всякой власти, Михайловский вовсе не придавал ему самодовлеющего, безраздельного значения. Вот в этом-то определении границ и возможностей права и заключается принципиальное расхождение Михайловского с позитивистами.

Чрезвычайно выразительной в этой связи представляется полемика Михайловского с видным позитивистом того времени Бергбамом. "Самый возмутительный по своему содержанию закон, если он издан в установленном конституцией порядке, — утверждал Бергбам, — есть право и имеет обязательную силу... в том и заключается высшая добродетель юриста, чтобы вопреки протестам сердца и ума подчиняться всякому закону"³.

Отвергая бергбамовский взгляд на закон, Михайловский пишет: "... необходимым результатом подобных рассуждений позитивистов должно быть признано, что право есть голая сила. Раз отвергнута абсолютная сценка для права, оно теряет всякую связь с этикой и превращается в силу... а поэтому может служить для организации чистого произвола". При этом Михайловский считает вовсе не состоятельным аргументом ссылку позитивистов на "мнение народа" и "соображение целесообразности".

Что касается "мнения народа", то Михайловский, основываясь на метафизических представлениях об истине, приходит к выводу о том, что "критерием доброкачественного закона являются известные объективные начала, а не мнения и желания "народа", и никакое большинство, даже единогласное мнение всего населения, не могут сделать истину не истинной или наоборот".

Не могут стать таким критерием, по убеждению Михайловского и соображения целесообразности: "соображения целесообразности весьма

растяжимы, а потому не могут служить для ограничения чистого произвола".

Однако, считает Михайловский, для того, чтобы закон был действительно доброкачественным, недостаточно учитывать только требования объективного начала (т.е. естественного права). Необходимым условием доброкачественности закона должно быть соответствие юридического закона закону нравственному. Нравственный закон, по Михайловскому, есть нечто непреложное, единое для всех людей и выражается в формуле: разумно-свободное существо должно быть для тебя целью, а не средством.

Но нравственность и право имеют один и тот же корень - духовную природу человека, хотя и определяют две разные области человеческой свободы: первая касается исключительно внешних действий человека - внешняя свобода; вторая - внутренних побуждений его - внутренняя свобода, его совесть. При этом нравственный закон должен оставаться верховным, руководящим началом всей человеческой деятельности. Поэтому основное требование к праву состоит в том, что юридический закон не должен вмешиваться в область нравственной свободы, свободы совести.

Особый интерес представляет взгляд Михайловского на социализм и, соответственно, права человека в условиях социализма. В ходе своего анализа Михайловский приходит к выводу о том, что в социалистических программах человек берется лишь как экономический деятель: одних озадачивает материальный интерес капиталистического меньшинства, других - тоже материальный интерес рабочего большинства. При этом социализм проводит принцип материального интереса с большей последовательностью и полнотой, чем противоположная сторона: ведь плутократия все-таки признает существование других начал, а социализм в своем чистом виде решительно отрицает эти начала. Для него человек есть исключительно только производитель и потребитель, а человеческое общество есть только экономический союз. Следовательно, социализм не есть антитеза, а лишь крайнее, последнее заключение односторонней буржуазной цивилизации. Протест социализма против "эксплуатации" поверхностен, лишен принципиального значения.

В самом деле, если исходить из основного положения, что человек есть прежде всего и больше всего экономический деятель, то ведь очевидно, что в этом качестве нет ничего такого, что должно ограждать человека от эксплуатации. Если еще учесть, что

социалистическое учение чисто позитивистское, то неизбежно, что социализм принесет с собой грубейшее нарушение прав человека.

Эти неутешительные выводы Михайловского диктуют настоятельную потребность восстановления либеральной традиции русской общественной мысли. Без освобождения превратных понятий о природе человека, права, закона и свободы трудно мыслить обращение России в правовое государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. I, с. 202.
2. Там же. С. 06.
3. Там же,
4. Там же. - С. 210.

О.А.ХАРУСЬ

ПРОБЛЕМА ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ВУЗОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ТОМСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Логика развития исторической науки диктует необходимость постановки вопроса о факторах, оказавших влияние на формирование позиций представителей различных классов и социальных слоев. Упрощенная трактовка этой проблемы заключается в констатации обусловленности политической ориентации социально-классовыми признаками. Однако такой подход оставляет без объяснения нюансы в политических настроениях представителей одного и того же класса или слоя.

То обстоятельство, что основой для выбора политической ориентации в большинстве случаев являлась социально-классовая принадлежность, не вызывает сомнений. Данные о материальной обеспеченности буржуазных интеллигентов, входивши в состав сибирских отделов кадетской и октябристской партий (в среднем они получали около 5000 рублей в год), подтверждают существование зависимости политических позиций от уровня жизни, который сближал интересы буржуазной интеллигенции, с одной стороны, и средней и крупной буржуазии, с другой. Общность интересов буржуазии и буржуазной интеллигенции определялась к тому же в известной степени и их деловыми контактами: связями интеллигенции с предпринимательством (участие в организации банковских и коммерческих операций, промышленного производства и т.п.).

Безусловно, как материальный, так и социально-правовой статус высокооплачиваемой интеллигенции, заинтересованной в стабильности своего общественного положения, определял ориентацию на капиталистический путь развития России. Однако в представлениях о глубине и темпах предполагавшихся преобразований имелись различия, послужившие основой для политической дифференциации буржуазной интеллигенции. Проявлением этой дифференциации стало вступление одной части представителей этого социального слоя в кадетскую партию, а другой - в октябристскую.

На основе сопоставления данных о составе кадетской и октябристской организаций в единственном в начале XX века вузовском городе в Сибири - Томске, где интеллигенция составляла приблизительно 11-12% всего населения, представляется возможным наметить некоторые контуры разработки проблемы обусловленности политической ори-

ентации буржуазной интеллигенции.

Удельный вес буржуазной интеллигенции в кадетской и октябристской организациях был примерно одинаков (38,29% и 36,49% соответственно). Однако примечательн тот факт, что большая часть профессо, эко-преподавательского состава вузов отдала предпочтение кадетской партии. Установлено членство в кадетской организации 59 профессоров и преподавателей, в то время как к октябристам присоединились лишь 15. Вероятно, солидный теоретический багаж интеллектуальной элиты Томска, широта видения проблем, способность просчитывать перспективы развития страны с учетом общих тенденций прогресса цивилизации преопределили преобладание либеральных настроений. Основная часть вузовской интеллигенции ориентировалась на более полное выражение общеполитических интересов, чем октябристы, представлявшие фракционные интересы тех слоев умеренно-либеральных помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, которые были типичны для периода первоначального накопления и выступали за минимум буржуазных реформ.

Показателем зависимости выбора политической ориентации интеллигенции от рода профессиональной деятельности, служебного положения может служить тот факт, что октябристскую организацию вступили 14 представителей профессорско-преподавательского состава университета и лишь один профессор Томского технологического института - А.И.Ефимов. Причем членство А.И.Ефимова в октябристской организации, по-видимому, не подлежит объяснению обобщающего теоретического порядка, а связано с его личностными характеристиками, поскольку уже в 1906 году он считал и программу октябристов слишком "левой" и вошел в состав черносотенного "Русского народного общества за веру, царя и отечество".

Более консервативный настрой части преподавателей и профессоров университета по сравнению с их коллегами из технологического института, очевидно, был связан с существованием системы характерного для всех авторитарных режимов идеологического контроля и соответствующего отбора кадров, особенно жестко проявившейся именно в университетах, призванных готовить прежде всего ученых, преподавателей, чиновников для бюрократической системы и формировать мировоззрение на базе расширенной гуманитарной подготовки. Вместе с тем неприятие программных установок "Союза 17 октября" сотрудниками ТТИ, вероятно, объяснялось присущим им профессиональным тоником необходимости экономической модернизации России, препятствием на пути которой являлись самодержавные устои. Непосредственная

связь преподавателей технологического института (многие из которых начинали свою служебную деятельность инженерами на предприятиях) с производством, основанном на применении новой техники, научных знаний, более совершенных и цивилизованных приемов хозяйствования и организации труда, и уж во всяком случае наличие у них вполне четких научных представлений о новациях такого рода, предопределили ориентацию на создание режима наибольшего благоприятствования для формирования и существования *г* берального капитала.

Очевидно, свой отпечаток на формирование политической позиции накладывали и личностные психологические характеристики отдельных представителей буржуазной интеллигенции, а потому в решении проблемы обусловленности этого процесса должен присутствовать индивидуальный подход.

Высказанные соображения, не позволяющие в силу своей фрагментарности делать обобщающие выводы, тем не менее подтверждают необходимость глубокой специальной разработки вопроса о причинах различий в политических позициях представителей буржуазной интеллигенции.

Е. Н. КОСЫХ

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИОННАЯ ПЕРИОДИКА СИБИРИ
(ноябрь 1917 - май 1918 гг.)

Октябрьская революция в России стала возможна в силу ряда сложившихся обстоятельств. Большевики сумели не только отразить (во многом и "простимулировать" с помощью своей агитации и пропаганды) революционно-разрушительные настроения масс, но и решительно "оседлать" революционно-анархическую стихию, использовать огромный заряд социальной ненависти, нетерпения, жажды уравнительной справедливости для прихода к государственной власти, осуществления далеко идущих планов преобразования страны.

В этот период времени в сфере идеологии боролись три пропагандистские системы: пролетарско-большевистская, буржуазно-кадетская и мелкобуржуазно-социалистическая. Газеты и журналы являлись фактически стержнем всех трех систем, редакции периодических изданий различных политических направлений направляли свои усилия на сплочение, консолидацию социальных групп, слоев, партий и политических течений, рупорами которых они были. Редакции газет и журналов направляли усилия также на то, чтобы привлечь союзников из других, главным образом, промежуточных слоев и групп населения.

Поэтому большевики после прихода к государственной власти не могли допустить свободы печатной агитации и пропаганды. Они считали, что оставлять в руках политических противников такое могучее оружие, как печать, нельзя.

Не была исключением в этом смысле и Сибирь. Чтобы обезоружить оппозиционную (буржуазно-кадетскую и мелкобуржуазно-социалистическую) периодику местные большевики начали против нее административные, экономические и политические репрессии. С декабря 1917 по май 1918 г., когда в Сибири начала править Советская власть, были закрыты 53 буржуазно-кадетские и правосоциалистические газеты и два журнала. В том числе в Томске 6 газет: буржуазно-кадетская "Сибирская жизнь", эсеро-меньшевистская "Земская газета" и 4 правосоциалистических - "Путь народа", "Верный путь народа", "Многострадальный путь народа" и "Гернистый путь народа".

В результате общее количество буржуазно-кадетских газет в Сибири сократилось с 17 в ноябре 1917 г. до 6 в марте 1918 г. и 5 в апреле - мае, эсеро-меньшевистских - с 26 в ноябре 1917 г. до 6 в мае 1918 г., правосоциалистических - с 20 до 9, народносоциалистических - с 5 до нуля и т.д.

Резко изменился и список названий этих газет. Так, например, с ноября 1917 по май 1918 г. прекратился выход таких широко известных в регионе буржуазно-кадетских газет, как "Сибирская жизнь" (Томск), "Иркутская жизнь", "Свободная Сибирь" (Красноярск), "Сибирская торговая газета" (Тюмень); эсеро-меньшевистских - "Голос свободы" - "Земская газета" (Томск), "Единение" (Иркутск) и др.

В результате от буржуазно-кадетской периодики остались только жалкие остатки. В мае 1918 г. список ее изданий составлял периферийные и малоизвестные "Курганская свободная мысль" и "Забайкальская новь" (Чита), недавно появившиеся "Иркутский вечер" и "Томский церковно-общественный вестник". Из широко известных по Сибири в этом списке только издававшийся с 1909 г. "Омский вестник".

Резко изменилось и количество номеров буржуазно-кадетских газет. Если в ноябре 1917 г. в Сибири было издано 230, в декабре 232 номера буржуазно-кадетских газет, то в марте 1918 г. только 64, в апреле 84, мае - 94. Еще более разительны перемены по количеству вышедших экземпляров этих изданий. По нашим приблизительным подсчетам, в ноябре 1917 г. в регионе было отпечатано 2 млн. 900 тыс. экземпляров буржуазно-кадетских газет, в январе 1918 г. только 700 тысяч, в марте - 190 тысяч, в мае - 285 тысяч, т.е. в 10 раз меньше по сравнению с ноябрем 1917 г. Соответственно изменялось и агитационно-пропагандистские возможности буржуазной прессы.

Примерно те же тенденции мы можем наблюдать и в развитии мелкобуржуазной (социал-демократической) периодики. С ноября 1917 по май 1918 г. не только снизилось общее количество эсеро-меньшевистских газет в Сибири с 26 до 6 наименований, но и количество их номеров в месяц со 120 до 71. По нашим же подсчетам, если в ноябре 1917 г. тиражировалось в регионе 570 тысяч экземпляров этих газет, то в мае 1918 г. только 200-210 тысяч. Если в ноябре 1917 г. в крае издавалось 20 правозэсеровских газет (280 номеров за месяц в 340-350 тысячах экземпляров), то в мае 1918 г. уже только 9 газет (66 номеров за месяц в 200 тысячах экземпляров).

И только общее количество меньшевистских газет в Сибири росло: с 2 - в ноябре - декабре 1917 г. до 5 - в январе, 9 - в марте и 7 - в мае 1918 г. Рост шел в основном за счет пропорционального уменьшения количества газет объединенных социал-демократов, по мере ликвидации их местных организаций. Но меньшевики региона, как известно, не играли решающей роли в агитационно-пропагандист-

ских усилиях социалистических партий. В ноябре 1917 г. в крае издано только 44 номера меньшевистских газет, в декабре - 29, в январе 1918 г. - 22, в феврале - 28, в марте - 60, в апреле - 87 в мае 1918 г. - 54 номера.

По нашим оценкам, невелико и общее количество экземпляров меньшевистских газет того времени в месяц: ноябрь 1917 г. - 130 тысяч, декабрь 1917 г. - 90 тысяч, январь 1918 г. - 60 тысяч, февраль 1918 г. - 90 тысяч, март 1918 г. - 180 тысяч, апрель 1918 г. - 260 тысяч и май 1918 г. - 160-165 тысяч экземпляров. На 10-11 млн. человек населения Сибири этого явно мало.

В ноябре 1917 г. в Сибири издано 95 номеров большевистских газет (приблизительно 360 тысяч экземпляров), 290 номеров (2 млн. 900 тысяч экземпляров) буржуазно-кадетских и 553 номера (1 млн. 700 тысяч экземпляров) мелкобуржуазных - социалистических.

В декабре 1917 г., в начале массового установления Советской власти в регионе, на 130 номеров 10 большевистских газет приходилось 292 номера 17 буржуазно-кадетских и 453 номера 48 мелкобуржуазных (социалистических) газет. Соответственно 600 тыс., 2 млн. 900 тыс., 1 млн. 365 тыс. экземпляров в месяц.

А вот с февраля 1918 г., когда наметились первые осязаемые результаты административных, экономических и политических репрессий большевиков против периодики их политических противников, количественные показатели резко меняются. Большевистская газетная периодика впервые становится достойным противником газетной периодики кадетов и правосоциалистических партий. На 330 номеров 20 большевистских газет (приблизительно 1 млн. 300 тыс. экземпляров) в феврале 1918 г. в Сибири насчитывалось 180 номеров 12 буржуазно-кадетских и 247 номеров 33 правосоциалистических газет (соответственно 560 тыс. и 750 тыс. экземпляров в месяц). В дальнейшем буржуазно-кадетская и мелкобуржуазная (социалистическая) газетная периодика всё более уступала свои количественные позиции. В апреле 1918 г. на 82 номера 5 буржуазно-кадетских и 255 номеров 29 социалистических газет уже приходилось 410 номеров 28 большевистско-коммунистических газет. И соответственно 240 тыс., 730 тыс. и 1 млн. 500 тыс. экземпляров в месяц.

Май 1918 г., в конце которого начала падать Советская власть в Сибири, не изменил этой тенденции. Тогда было издано 94 номера 5 буржуазно-кадетских, 191 номер 23 правосоциалистических и 448 номеров 28 большевистско-коммунистических газет. И соответственно 285 тыс., 575 тыс. и 2 млн. экземпляров.

Всего за 7 месяцев - ноябрь 1917 - май 1918 г. Сибири отпечатано не менее 1237 номеров 27 буржуазно-кадетских, 2230 номеров 93 мелкобуржуазных (социал-демократических) и 1899 номеров большевистско-коммунистических газет. Приблизительное количество всех экземпляров газет этих блоков за указанные месяцы соответственно 7 млн. 775 тыс., 6 млн. 660 тыс. и 6 млн. 550 тысяч. Кроме того, в ноябре 1917 - мае 1918 г. в Сибири тиражировано не менее 1.7 номеров общедемократических, 69 номеров меньшевистско-интернационалистических, 52 номера коалиционных, 47 номеров областнических, 17 номеров анархических и 9 номеров левосоветских газет. Соответственно 340 тыс., 250 тыс., 160 тыс., 45 тыс. и 35 тыс. экземпляров газет за 7 месяцев революции.

Эти цифры довольно солидны даже в расчете на 10-11 млн. человек населения Сибири и, нам думается, довольно реально отражали агитационные возможности одного из основных элементов трех пропагандистских систем региона - газетной периодики.

Совсем другое соотношение агитационно-пропагандистских возможностей складывалось в это время в периодике журнальной. Здесь периодике большевиков так и не удалось наверстать большого отставания от периодики буржуазно-демократической (религиозно-нравственной), буржуазно-кадетской и периодики эсеро-меньшевистской. Создается впечатление, что большевики региона особо и не стремились кого-либо догнать, памятуя о необходимости серьезных материальных затрат на издание журналов. Так, в Томске за это время вышло только 3 номера большевистского журнала "Сибирский рабочий" против 33 номеров 9 оппозиционных журналов.

А.А. БОНДАРЕНКО
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ ЭСЕРОВ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вскоре после восстановления Советской власти в Томской губернии социалисты-революционеры оказались на полулегальном положении, так как в легализации им было официально отказано коммунистами. Все попытки эсеров к налаживанию организационной и политической работы стали расцениваться как контрреволюционная антисоветская деятельность и со всей решительностью пресекаться органами ВЧК. В первую очередь, именно поэтому восстановить свою организационную структуру в пределах Томской губернии эсеры не удалось.

Борьба коммунистов и органов ВЧК - ГПУ против эсеров, в том числе и на территории Томской губернии, в 1920 - 1921 гг. усиливалась по мере нарастания антибольшевистского крестьянского движения, в ходе которого отдельные эсеры выступали в качестве активных участников и даже организаторов.

Особенно систематической и целенаправленной стала эта борьба с лета 1921 г. Но бороться коммунистам приходилось уже не с мощным когда-то и хорошо организованным политическим конкурентом, а против отдельных, в большинстве уже бывших членов РСР. Ибо, как свидетельствуют многочисленные данные, к концу 1921 г. эсеровских организаций как таковых на территории Томской губернии практически не существовало. Эсеры к этому времени, в результате применения по отношению к ним репрессивных мер, были распылены и сколько-нибудь организованной и активной силой собой не представляли, а их активисты были "изъяты" и содержались в тюрьмах.

В первой половине 1922 г. эсеры в Томской губернии проявляли себя лишь тем, что некоторые из них пытались закрепиться на работе в советских учреждениях и кооперативных обществах, где агитировали за свободное членство, поэтому их оттуда стремились безпомядно "вычистить".

До середины августа 1922 г. борьба с эсерами в Томской губернии разворачивалась в непосредственной связи с подготовкой и проведением в Москве /июль - август/ процесса над членами ЦК и другими активистами эсеровской партии. В Томске агиткампания в этой связи осуществлялась по распоряжению из центра по специально разработанному руководством РК/б/ плану и была наиболее активной с конца мая по середину июня 1922 г., когда в Томске и уездных городах губернии

были проведены довольно многолюдные митинги, собрания и другие мероприятия, на которых принимались резолюции комсунитов, осуждавшие "преступную" политику эсеровского руководства и еще до суда требовавшие применить к "изменникам делу трудящихся" самую суровую кару, вплоть до расстрела.

Начиная с 18 мая по средину августа 1922 г. в газете "Красное знамя" публиковались материалы, имевшие целью разоблачить "антинародную" деятельность эсеровских вождов и партии в целом, а также освещая ход самого процесса.

После завершения процесса над эсеровским руководством в Москве, который действительно во многом дискредитировал ИСР, борьба с остатками социалстов-революционеров вступает в решительную и завершающую стадию. Направление этой борьбы было задано ЦК Всероссийской конференции РКП(б), поставившей задачу "в сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партию эсеров и меньшевиков, как политические факторы", при этом большое значение придавалось применению по отношению к ним репрессивных мер.

Практически эту работу выполнили органы ГПУ. По распоряжению из центра чекистами в Сибири с 16 августа 1922 г. была начата "операция" по ликвидации организаций и отдельных активных правых эсеров. В ходе ее только в Томске было арестовано до полутора десятков человек.

Наряду с прямыми репрессиями с ноября 1922 г. органами ГПУ при активном содействии комитетов РКП(б) в Сибири начинается кампания по подготовке так называемого ликвидаторского движения среди эсеров, итогом которого должна была стать "самоликвидация" ИСР.

О начале этой работы в Томской губернии свидетельствует тот факт, что начиная с 15 по 25 ноября 1922 г. на страницах "Красного знамени" было опубликовано 4 письма с отречением от ИСР бывших ее членов, в том числе такого видного работника, как В.В.Захаров.

28 ноября 1922 г. в "Красном знамени" было опубликовано письмо и призыв бывших членов маринской эсеровской организации, инспирированные губетделом ГПУ и губкомом РКП(б), где содержалось предложение созвать во всероссийском масштабе легальный съезд бывших социалстов-революционеров, который бы официально санкционировал самороспуск партии.

До конца ноября 1922 г. в "Красном знамени" было опубликовано еще 3 письма бывших эсеров об отречении от партии. А 15 декабря "инициатива" маринцев была подхвачена группой томских эсеров из 6 чел. До 28 дек. 1922 г. о выходе из ИСР публично через печать

заявило еще не менее 9 бывших членов эсеровской партии. Комитет, таким образом, быстро начинает набирать обороты. Всего к началу марта 1923 г. число эсеров-ликвидаторов, как они стали именоваться, достигло в Томской губернии 26 чел.

На съезд бывших рядовых членов партии социал-демократов-революционеров, подготовленный чекистами и проходивший в Москве 13 - 20 марта 1923 г., были направлены фактически Томгуботделом ГПУ А.В.Ивановский /Томск/ и В.Д.Иглин /Жаринск/.

С отъездом томских делегатов в Москву работа по ликвидации приостановилась, ибо дальнейший курс руководства губотделу ГПУ и губкому РКП/б/ не был известен. После возвращения делегатов со съезда, где была принята резолюция, объявлявшая ПСР "несуществующей", ими при содействии партийных органов и чекистов проводилась довольно активная работа по пропаганде его решений, а также предпринимались попытки увеличить ряды своих сторонников.

Однако в начале 1923 г. дальнейшая деятельность по разложению ПСР по директиве Сиббюро ЦК РКП/б/ и III ОГПУ по Сибири была задержана. Томский губком коммунистов и губотдел ГПУ до осени 1923 г. ограничивались по сути только публикацией в печати материалов из центральных газет по данному вопросу.

В сентябре 1923 г. из Новониколаевска вновь поступило распоряжение о возобновлении работы с эсерами-ликвидаторами. Была поставлена задача до 1 декабря провести губернскую конференцию бывших рядовых членов ПСР и на этом данную кампанию завершить.

Официально для содействия эсерам-легалитам по созыву их губернского съезда был назначен заведующий агитотделом томского губкома РКП/б/ М.А.Вольфович. На местах ответственность была возложена лично на секретарей укомов и райкомов. От эсеров для связи были выделены лица, неофициально связанные с ГПУ.

27 октября 1923 г. в Томске по инициативе членов Сибирской дополнительной комиссии Всероссийского съезда бывших рядовых членов эсеровской партии В.Строкана и В.Занозина, приехавших из Новониколаевска, состоялось городское собрание бывших рядовых эсеров в присутствии 23 чел., которые примкнули к движению ликвидаторов, где была избрана комиссия по созыву их губернского съезда из 8 чел. Сначала ее возглавлял Б.И.Шименов, вскоре за недостаточную активность замененный П.Н.Марковым.

Комиссией в ноябре - начале декабря 1923 г. под контролем и при содействии комитетов РКП/б/ и ОГПУ в Томске и губернии была проведена соответствующая пропагандистская кампания и большая организацион-

ная работа, результатом которой стало проведение сначала городской, а затем и губернской конференций бывших рядовых членов ПСР.

Городская конференция состоялась в Томске 5 декабря 1923 г. На ней присутствовало 34 бывших члена эсеровской партии, полностью присоединившихся к постановлению московского съезда. Его единой задачей была принята резолюция, провозглашавшая томскую городскую организацию эсеров распущенной и содержащая положение о безусловном присоединении к постановлениям Всероссийского съезда бывших рядовых членов ПСР. Конференцией также были избраны 7 делегатов на губернский конференцию.

Работа с эсерами-ликвидаторами по уездам завершилась к 10 дек. и 12 дек. в Томске состоялась губернская конференция бывших рядовых членов эсеровской партии. В ее работе участвовало 26 делегатов от 124 "набирателей", представлявших Томск, Томский и Мариинский уезды, Анжеро-Судженск, Щегловск и Ленинск.

Конференция прошла под контролем коммунистов и аппарата ОГПУ, поэтому никаких нежелательных инцидентов на ней не произошло. Она приняла работу среди бывших эсеров по Томской губернии законченной и постановила с данного момента считать эсеровскую организацию в Томской губернии не существующей, а центр бывших членов ПСР и его местные органы и уполномоченных прекратить свою работу. Кроме того, в резолюции конференции содержался призыв к своим сторонникам проявить максимум энергии "в деле строительства Советской власти и в борьбе с контрреволюцией, чтобы этим на деле показать свою преданность пролетариату и крестьянству и тем самым смыть с себя пятно позора за преступления верхов ПСР..." И в самом конце документа говорилось: "Виняюсь в ряды трудящихся под идейным руководством РКП, вместе с ними мы пойдем в деле строительства СССР, укрепление которого послужит верным и надежным оплотом для мирового пролетариата в его борьбе во главе с Коминтерном против международной буржуазии". Подобные настроения и решения участников конференции были полностью одобрены и поддержаны коммунистами.

Всего в Томской губернии к движению эсеров-ликвидаторов, по официальным данным, примкнуло 95 бывших членов ПСР.

Таким образом, к концу 1923 г. эсеры на территории Томской губернии, впрочем как и по Сибири, и по стране в целом, были окончательно разгромлены в организационном отношении и полностью дискредитированы как идейное и политическое течение, могущее составить коммунистам реальную конкуренцию в условиях непа. Реальный политический конкурент был описан большевиками в архив истории.

С.А.ДУКАРТ

СТАЛИНИЗМ И НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1945 -
- 1953 гг.)

Одной из характеристик тоталитаризма является отстранение власти поставить под контроль все сферы жизни общества. Особое внимание тоталитарная власть всегда уделяет науке. В отношении сибирских вузов со стороны власти широко использовалась репрессивная политика, которая находила свое выражение в регулярных чистках состава преподавательских кадров. Существовала отработанная система сбора и оформления компрометирующих материалов. Компромат мог быть следующий: родство с бывшими раскулаченными или репрессированными; служба в белой армии; депортация; социальное происхождение и т.д. и т.п. Ученый, попавший в разряд неблагонадежных, находился под постоянным контролем. Это обеспечивало продолжение сбора компромата, а также выявление лиц из его ближайшего окружения, которые также могли быть подвергнуты репрессиям. Так, из справки о состоянии работы историко-филологического факультета следует, что доцент кандидат исторических наук Гессен, устроившийся в ТГУ после выхода из тюрьмы по обвинению по статье 58 (замененной по освобождению на статью III), находился под особым контролем. Регулярно проводились не только проверки его лекций, но и опрос студентов и преподавателей, которые с ним работали, на предмет идейно-политической верности излагаемого им материала. Кроме того, были арестованы два студента, которые поддерживали с ним наиболее тесный контакт(1).

Система сбора компрометирующего материала была такова, что, несмотря на чистки, "засоренность" кадров с каждым годом увеличивалась (2). В томском пединституте она, например, к 1948 г. возросла аж до 20% всего преподавательского состава. Чистки же преподавательских кадров проводились достаточно регулярно. Так, из справки о работе вузов от 10.03.51 г. следует, что только в 1949/1950 уч. году было освобождено от работы в вузах более 50 лиц, невнушавших политического доверия, а до марта 1951 г. было освобождено уже 30 человек (3). В случае активного поведения лиц, находившихся под подозрением, они подвергались аресту.

Следует отметить, что власть предпринимала и попытки идеологического воспитания ученых в нужном направлении через организацию кружков и университетов марксизма-ленинизма. Еще одним способом постановки науки под контроль и на службу структурам тоталитаризма

дитарной власти было вовлечение научных работников в партию. Но результаты явно не соответствовали ожиданиям. За 1945 год было подано по вузам г.Томока только 10 заявлений от научных работников, а за весь 1946 год вообще только 5 (4). Причина, возможно, заключается в нежелании ученых попасть еще и под эту опеку.

Приотдельное внимание к вузам объясняется также тем, что они призваны служить кузницей кадров номенклатурных работников. Об этом достаточно определенно заявлял в это время первый секретарь Томского обкома Семин на областной партконференции: "...в большей опеке выпускников томских вузов слишком мало, или почти нет людей, которые бы теперь были на ответственной государственной, партийной или хозяйственной работе. После такого сравнения неизбежно возникает вопрос, не есть ли это результат того, что студенты наших вузов не получают той государственной, партийной, политической закалки, которая бы делала их после окончания вузов людьми с достаточным государственным кругозором?" (5). Однако на практике студенты, получая строго ограниченный идеологической цензурой объем знаний, в котором не содержалось ответов на многие вопросы, нередко не удовлетворялись дозволенным и стремились перейти искусственно созданные границы. Реакция власти не отличалась оригинальностью: УМГБ в очередной раз докладывало очередному пленуму или партконференции о новых разоблачениях студенческих групп, которые занимались чтением запрещенной литературы, и об арестах среди студентов. Таких дел только по Томской области было достаточно большое количество (6). Нельзя отрицать, что власть нередко пыталась избежать применения крайних мер к подобным группам "злодеи" но в условиях сохранения сфер, закрытых для широких масс, это сводилось лишь к попыткам поставить под контроль стихийноевлечение студентов к новым знаниям, тем самым вновь его ограничив. Эти меры, как правило, новых и ожидаемых результатов не давали. Так, в 1946 году Управление НКГБ по Томской области обнаружило подпольную литературно-политическую группу студентов, которая занималась чтением различной литературы по научным и политическим проблемам, но как только ее пытались поставить под контроль, направив туда квалифицированных преподавателей и легализовав ее, группа распалась.

Реакция ученых на политику силового давления власти с целью контроля научной мысли также была различной. Одни ученые принципиально отстаивали свои взгляды, но это, как правило, за-

канчивалось печально для них. Другие, стремясь избежать обвинений в идейной враждебности, но не желая показать факты, старались подавать материал объективно - но тогда они подвергались преследованиям за буржуазный объективизм. Архивные данные свидетельствуют, что некоторые ученые, отказавшись от открытой конфронтации, тайно поощряли поиски истины студентами и даже подготавливали нужное направление. Следует отметить, что находились мужественные люди среди руководителей институтов, которые умудрялись оказывать сопротивление политике власти, направленной на преодоление "неблагонадежных". Были и ученые, которые под давлением вынуждены были каяться в неосуществленных грехах, отказываться от собственных взглядов. Находились и такие, которые использовали эту явно нездоровую обстановку в целях личной карьеры или для демонстрации лишней раз своей преданности партии и правительству. Не еще больший вред нанесло науке то, что идеологическая карта все чаще становилась козырем в научных дискуссиях. Все это, несомненно, лишь способствовало усилению недоверия власти к ученым, что, в свою очередь, вело к ужесточению контроля и увеличению масштаба репрессий и свидетельствовало о бесолии власти превратить науку в послушную служанку политики.

Список документальных источников

1. ТО ЦДНИ.Ф.607.0П.1.Д.328.Л.55-59.
2. Там же.Д.1019.Л.7.
3. Там же.Д.1335.Л.66.
4. Там же.Д.449.Л.2.
5. Там же.Д.138.Л.27.
6. Там же.Д.328.Л.47; Там же.Д.463.Л.2; Там же.Д.375.Л.311-313;
Там же.Д.731.Л.83; Там же.Д.862.Л.128.
7. Там же.Д.375.Л.313.

М. С. КУЗНЕЦОВ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА УЧЁНЫХ ТОМСКА
В 1945-1980 ГГ.

Отечественная наука сегодня находится в глубочайшем кризисе. Её возрождению в определённой степени может опосредствовать опыт недавнего прошлого, даже если он накапливался в условиях иной конкретно-исторической обстановки.

После Великой Отечественной войны перед нашей страной встали необычайно трудные задачи по восстановлению и развитию народного хозяйства и культуры. Роль науки в этих условиях значительно выросла. Многие годы её развитие в Томске было связано исключительно с деятельностью высших учебных заведений. Следует подчеркнуть, что руководство вузами на местах в 40-70-е гг. осуществляли главным образом партийные органы. Они обращали серьёзное внимание на формирование научных кадров. Для Томска эта проблема являлась особенно актуальной. Здесь в 1945 г. учёные звания и степени имели менее 30% вузовских преподавателей. Поэтому компетентными органами и вузами принимались неоднократные меры по расширению аспирантуры. К 1981 г. в ней обучалось 990 человек. Настойчиво решались вопросы, относящиеся к подготовке докторов наук. Совершенствовалась организация защиты диссертаций. Томск представлял собой один из ведущих центров подготовки научных кадров на востоке страны. В 1980 г. в государственном университете (ТГУ) и пяти институтах Томска трудился 3621 преподаватель, в том числе 167 докторов и 1667 кандидатов наук (около 51%).

Государственные ассигнования на научно-исследовательскую работу, хотя и далеко не удовлетворяли самых насущных потребностей вузов, всё же непрерывно увеличивались. Перестраивалась структура научных подразделений вузов. В 1980 г. она включала 7 возникших в разные годы научно-исследовательских институтов: в госуниверситете - Сибирский физико-технический институт, прикладной математики и механики, биологии и биофизики; в политехническом институте - ядерной физики, высоких напряжений, электронной интроспекции; в Томском институте автоматических систем управления и радиотехники (ТИАСУР) - автоматизации и электромеханики. Кроме того, в вузах действовали 17 проблемных, учебно-научных, отраслевых лабораторий. Самостоятельную научную работу вели многие кафедры.

Исследования томских учёных отличались многосторонностью и практической направленностью.

Большое место занимала томская школа геологов. Томские студенты

Сибири ряд месторождений железных и вольфрамовых руд, нефелиновых пород, кварцевого песка, золоторудных месторождений, детально изучили стратиграфию Кузнецкого, Норильского, Черемховского каменноугольных бассейнов, составили геологические и геоботанические карты многих районов России, провели комплексные гляциологические исследования на Алтае, обосновали новые методы поиска и добычи полезных ископаемых.

Широкой известностью пользовались школы томских физиков. Крупнейшим в этой области был коллектив Сибирского физико-технического института. Он и родственные ему факультеты университета внесли общепризнанный вклад в разработку таких научных направлений, как физика твёрдого тела, радиоволлектроника и кибернетика. В политехническом институте с 1946 г. началась разработка проблем использования атомной энергии. Учёные-политехники сконструировали несколько уникальных типов бетатронов. В начале 50-х гг. они оборудовали телецентр в Томске, а затем и в некоторых других городах Сибири. Ими разработаны ядерно-физические методы элементарного анализа полупроводниковых материалов. В ТИАСУР^е особые усилия сосредоточивались на разработке оригинальных систем управления, способных обеспечивать сочетание отраслевого и территориального принципов управления на основе вычислительных сетей коллективного пользования.

Сотрудники инженерно-строительного института добились реальных результатов в применении местных строительных материалов в суровых природно-климатических условиях труднодоступных районов области, проектировании прогрессивных строительных конструкций, поиске рациональных методов строительства автомобильных дорог и мостов в Сибири.

Биологи госуниверситета и пединститута изучали природные ресурсы Сибири, пути их разумного использования. Филологи этих вузов многие сделали для изучения русских старожильческих говоров Сибири, языка коренных народов Томского Приобья.

Научная деятельность учёных мединститута была направлена на выполнение комплексной тематики в области краевой патологии, медицинской радиологии и болезней крови; создания и применения новых лекарственных препаратов растительного и синтетического происхождения; улучшения работы сибирских курортов.

Гуманитарии и обществоведы томских вузов активно участвовали в разработке проблем методологии науки, социально-экономических, общественно-политических отношений, духовной культуры в советском государстве, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке.

Их исследования содержат огромный эмпирический материал, но несут на себе и печать того времени, в условиях которого создавались.

В рассматриваемые годы решающие усилия прилагались, правда, чаще всего внеэкономическими методами, по расширению связи науки с производством. Самой распространённой формой связи было заключение хозяйственных договоров. Объём договорных работ из года в год возрастал. Причём доля темных учёных в этом отношении составляла более половины работ, выполнявшихся их коллегами всех вузов Западной Сибири. На Томск приходилось свыше 50% и экономического эффекта от внедрения вузовских хозяйственных разработок. Однако по темпам внедрения готовых работ темпичи, по ряду объективных и субъективных причин, несколько отставали от других. В 70-е гг. была проведена большая работа по созданию Автоматической системы управления Томской областью (АСУ ТО). Не по вине учёных она не была завершена.

Томские учёные только за шесть лет 70-х гг. опубликовали 269 монографий, 29467 научных статей и получили 1993 авторских свидетельства.

Крупные достижения и благоприятные потенциальные возможности науки в вузах послужили главным фактором, обусловившим создание в Томске сети академических научных учреждений. В сентябре 1969 г. возник тогда первый и единственный в мире Институт оптики атмосферы. В январе 1971 г. был открыт Институт химии нефти, а позднее - Институт сверхточечной электроники. В явле 1979 г. на базе этих трёх научных учреждений создаётся Томский филиал СО АН СССР. Он был самым молодым из пяти родственных филиалов в Сибири. В его штате числилось 2600 человек, в том числе 1 академик, 3 члена -корреспондента АН СССР, 12 докторов и 146 кандидатов наук¹. По численности сотрудников Томский филиал в Сиботделении занимал третье место, а по объёму крупномасштабных хозяйственных работ - первое. За 1970-1981 гг. институты филиала только таких работ выполнили на 100 млн рублей.

В 70-е гг. развернулось осуществление программы комплексного освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока. На одну из первых позиций выдвинулись проблемы охраны здоровья трудящихся и дальнейшего развития медицинской науки. В связи с этим в августе 1974 г. руководящие органы приняли решение об открытии в Томске Сибирского филиала онкологического центра, а в октябре того же года - филиала Всесоюзного кардиологического центра АМН СССР. В 1980 г. оба филиала уже вели лечебную и научную работу².

Давней известностью в Сибири и за её пределами пользовались Томские научно-исследовательский институт вакцин и сыворотки и лечебно-научный институт курортологии.

Академические учреждения с первых шагов своей деятельности стали играть конструктивную роль в научно-исследовательской работе томицей. С учётом этого при Томском обкоме КПСС в июне 1972 г. был учреждён научно-координационный центр (Совет) в составе директоров НИИ, проректоров по научной работе вузов, директоров ряда промышленных предприятий. Возглавил его директор Института оптики атмосферы В.Зуев³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что научная жизнь Томска в 40-70-е гг., несмотря на многочисленные трудности, недостатки, партийный диктат, чрезмерную идеологизацию, нуждающиеся в специальном исследовании, в целом развивалась поступательно и плодотворно.

¹Красное знамя. 1980. 31 августа.

²Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО).
Ф.5593. Оп. I. Д. 4. Л. 25; Д. 7. Л. 71.

³Там же. Ф. 607. Оп. I. Д. 4212. Л. 67.

В.Г.ТОЛДОВ

ДИССИДЕНТСТВО

60-80-х ГОДОВ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ "РАЗВИТОГО
СОЦИАЛИЗМА"

Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до мелочестей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного мейнстрима крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией...

Ал.Герцен

Фейербах не без основания считал, что в основе всех исторических перемен лежат изменения религиозного сознания. Появление диссидентов /т.е. людей, несогласных с господствующей религией/ является важным признаком таких перемен. Возникший в рамках большевизма "культ личности" свидетельствовал о его религиозной основе, а диссиденты 60-80-х годов вышли не из гоголевской, а из сталинской "шinelи". Их предтечей можно считать в какой-то мере и Лаврентия Берия, который долго ходил в сталинской "шinelи", но был расстрелян как "враг партии", т.е. как диссидент. Уничтожив "тем же коком, что разбойничал" большевика и тирана Сталина, Кудеяр-Берия уничтожил и большевика Берия и стал срезать воеиногу сам "дуб" большевизма. Оказавшись после смерти Сталина у рычагов власти, он начал разоблачение и ликвидацию репрессивной системы, уменьшил налоги, сделал амнистию, ликвидировал МГБ и /если верить обвинениям, предъявленным ему задним числом на июльском пленуме 58г./предпринял ряд мер, направленных на отстранение компартии от власти и передачу последней госаппарату, предлагал, в частности, сделать с Германией то, что удалось лишь Горбачеву, т.е. упразднить "социализм" и объединить Германию в нейтральное, демократическое государство. За всё это он был объявлен Политбюро "агентом империализма" и расстрелян. Но из ведомства, которое возглавлял Кудеяр-Берия, вышел А.Д.Сахаров...

Диссидентство 60-80-х годов было отчасти явным, отчасти скрытым.

А.Д.Сахаров как представитель открытого диссидентства достаточно известен. Менее известен поэт Николай Ляпин. Это о них пел Внсоцкий:

Открытым словом без клича
навзрыд об ужасах крича,
мы вскрыть котлом подвал чумной,
рискуя даже головой,

и трезво, а не сгоряча
мы рубим прошлое с плеча...

Дяпин - автор "Эпохи Октября", "Дамоклова меча", "Поколения зачумленных", "Сна", "Кошмара", "Стены", "Концлагеря" и других весьма смелых по тем временам стихотворений. В них мы имеем: 1/подведение итогов революции, особенно тех, о которых большевистские идеологи дружно молчали; 2/критический анализ итогов: компартия - стена, о которую разбивают головы философы и поэты, общество - концлагерь, в котором безраздельно властвует партия-стена и над которым висит дамоклов меч "войны всемирной, ракетной", поколение зачумленных, которое пытается заполнить пустоты своей души "наркотой, водкой, развратами", суть образы-символы этих невеселых итогов; 3/предсказание хоть и не сильной, но бури, хоть и мирной, но революции, а точнее - контрреволюции-реформы как отрицания отрицания. Последний момент выразился, например, в его "Письме нынешним правителям Сесеэра от представителя племени младого, незнакомого", написанном где-то в конце 60-х - начале 70-х годов. Стоит привести этот документ "эпохи Октября" целиком:

Капитаны, уступите место нам!
Уступите. Вы не те уж. Вы седые.
И вперед надо сегодня быть не вам.
Вперед должны быть мы: мы молодые.

Ну, короче, прочь с дороги! Эй, лыжню!
На пути моем, развалины, не стойте!
Всё равно я, старики, вас оббѣду,
из себя вы сильных, милые, не стройте.

Ваша оила кончилась давно,
а вы как юные. Спомнитесь же, братцы!
Да это же нелепо и смешно,
не надо, бросьте молодыми притворяться.

Ну разве вы такие как и молодежь?
Ну что есть общего мех нами и мех вами?
Поштыки ваши, ну никак не назовешь
потуги малкие великими делами.

Для чего ж тогда маячить впереди?
В спорте как? Там участь всех такая:
не в форме ты? - с дистанции сойди
и бегай там, в сторонке, не мешая.

Вы не в форме. Тут уж не крути -
дело сделали свое, ну и гуляйте!
Я выс обязан! Я вас должен обойти!
И э! мне, знаете, ребята, не мешайте.

Что? Неприятно, что не взять уже вершин?
Таков закон. Сегодня мы, ребята, - боги.
А ну с дороги! Из меня, как из-под шин,
рвется скрип! Вы мне мешаете... С дороги!

Заметное еще не скоро, но провидец слышит подземный гул и видит "гад морских подводный ход". И нетрудно представить реакцию тогдашних "правителей Сесеэра": наш "барометр" показывает "ясно", и это подтверждают западные советологи¹, а "Письмо" говорит, что ноги которые тебя вынесут, стоят уже за дверьми! Ложь и неправда! Нет такого "племени младого, незнакомого" и никогда не будет! Кто позволял клеветать на советский строй?!

Конечно, ляпинское "Письмо" до "правителей Сесеэра" могло и не дойти. Но могло и дойти. Чем, как говорится, черт не шутит. Ляпин бросал перчатку открыто и носил свои стихи в редакции журналов. Редакторы-"соцреалисты" не желали их ни слушать, ни читать, потому что их "барометр" был в основном правительственным и тоже показывал "ясно". Автор же подозревал и, возможно, не без основания, что его стихи все же до сведения кое-кого доводятся:

Вадумал писать - ты пиши, что захочешь.
Идешь ты в редакцию, что-то хлопочешь...
В Звезде и в Неве, и в Авроре - журналах
сидят стулечок-обаятельный малый.
Он за стихи не сагает вас в клетку,
он, как учетчик, берет на заметку.
И стихи твои Смольный, глядишь, уж читает:
Смольный всё видит, всё слышит, всё знает.

А там и до "правителей Сесеэра" недалеко:

А са Смольны ЦК в свой глазок наблюдает,
и Кремль наш всё видит всё слышит, всё знает.

Так что вышеописанная реакция на "Письмо" была вполне возможна. И она - лишнее подтверждение правоты автора. "Правители Сесеэра" оказались действительно "не в форме", и лет через 20 их весьма настоятельно эти самые "представители племени младого, незнакомого", в существование которых не верилось, попросили уступить "лыжню".

Падающая критика противника и беспощадная, граничащая с уничтожением самокритика выдают скрытую христианскую основу ляпинских стихов. В критике Ленина, например, он не идет дальше слова "параноик", которое употребляется к тому же в смягченном значении смутьянства и стремления к "заре России". В "Истории в лицах"/1987/ Ленин называется даже "либералом, демократом". В "Эпохе Октября"/1969/ большевистские вожди не отличаются от дореволюционных царей, а коммунисты от белых /"такое ж воронье"/. То же в "Истории в лицах", где "второй царь" Сталин и "Берия-акула" сравниваются с Нероном и Суллой, репрессии которых по сравнению с большевистскими были детскими лепетом терроризма. "Советский новый самодержец" Хрущев назыв-

вается всего лишь "хамом и хулиганом", Брежнев - "дедом", который, "как бык, сено жевал: "где коммунисты - там победа", и т.д. О шедшей критике свидетельствует и набор эпитетов в "Письме": "нынешние правители Ссссэра" называются "седые", "развалины", "Старика", "ребята" и даже "братцы" и "милые"! И это тем более замечательно, что "братцы", руководствовавшиеся "античеловеческими заповедями" /А.Яковлев/ отнюдь не платили Ляпину взаимностью. В одном из его автобиографических стихов начала 80-х, например, читаем:

Я не видел ни светлого, сытого дня,
ни свершений мечты, что задумана.
Ленинграда хандармы душили меня
по ук эке ЦК, мерзкой мушкет.

И в октябре 91г. сбросивший сталинскую "шинель" воспитанник философского факультета ЛГУ оказался под колесами поезда.

Об "анонимном христианстве" Сахарова и других диссидентов правильно писал Г.Померанц: их христианству доставало разработанной нравственной философии, оно страдало ограниченностью личной интуиции, проектов политических решений и правозащитных деклараций².

Явное диссидентство - это всего лишь надводная, видимая часть айсберга и группа наибольшего риска.

Препинаний и букв чародей,
лиходеи непечатного слова
траг украл для волшебного лова
рифм и наоборотных идей.
Автогоним, бурлак и ковбой,
презирающий гладь плоскогорий,
в мир реальнейших фантазматорий
первым в связке ведешь за собой.
Мы неуклюжие, мы горемычные
идем и падаем по всей России...

Немало сведений о надводной части айсберга диссидентства содержится и в "Воспоминаниях" А.Д. Сахарова. Гораздо обширнее, однако, была "бредившая от удущья" полводная часть этого айсберга. Вя.Высоцкий - едва ли не первый историк нашего диссидентства - не обошел своим вниманием и "подводников": в цитированной "Серьезной песне" они названы "светлыми умами", которые "всё излагают между строк - у них-расчет на долгий срок". К этой категории следует отнести, конечно, и самого Высоцкого, который "термозил на поворотах" и критиковал большевизм эзоповским методом. Подобное "изложение между строк" было присуще социально-философской прозе В.Замощкина, Э.Соловьева, И.Конза, Л.Скворцова, Е.Лавыдова и других авторов.

Диссиденты 60-80-х годов занимались в основном просветительской и правозащитной работой. Они стремились превратить в диссидента не только народ, но и "правителей Сесеара". События второй половины 80-х и начала 90-х годов показали, что их усилия не прошли даром. М.С.Горбачев не только вернул Сахарова из ссылки, но и согласился с его критикой большевизма. Его лекция "От тоталитаризма к демократии", с которой он выступил в Мюнхене в марте 92г., вполне может быть отнесена к диссидентскому антибольшевистскому лагерю. Это не следует сказать и о книге А.Н.Яковлева "Предисловие. Обвал. Послесловие"/1992/. Отсюда и "перестройка", и последовавшая за ней антибольшевистская реформа.

¹ "Западные советологи, так же как представители любой науки, наводятся в плену собственных концепций. Достаточно сказать, что в начале 80-х годов никто не представлял себе возможности событий, ставших реальностью в Советском Союзе в нынешние времена. Революция сверху, которая в столь сжатые сроки сменилась революцией снизу, п. Ближние часы - кто мог предсказать всё это?"/Из интервью редактора главного советологического журнала "Проблемы коммунизма" А.Брумберга. См. Стогек , 1990, №52, с.7,

² См. Знамя , 1991, №4, с.213.

А.Н. ПЕРВИКОВ, А.П. СИЛАЕВ
ВЕЧЕРНЕЕ И ЗАОЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗАХ ТОМСКА В 60-70-е ГОДЫ
(историография вопроса)

Занимая ведущие позиции в системе образования России, Томск сыграл важную роль в подготовке специалистов высшей и средней квалификации, в том числе и без отрыва от производства. По данным статистики, в системе вечернего и заочного образования в 60-70-е годы ежегодно обучалось от 63 до 66 тысяч человек, что составляло 45-46 процентов от общей численности студентов вузов и техникумов¹.

Накопленный вузами Томска опыт организации и развития вечернего и заочного образования стал предметом исследования учёных. Формирование историографии проблемы осуществлялось по трём основным направлениям: во-первых, по линии изучения повышения культурно-технического уровня производителей, во-вторых, в направлении исследования подготовки кадров в вузах и техникумах Западной Сибири и, в-третьих, в специальных работах, посвящённых вечернему и заочному образованию.

В первой группе работ, представленной публикациями А.М. Черноброд, Э.В. Василевской, С.Э. Мищенко², преобладает отраслевой, а в некоторых исследованиях историко-партийный подход. Авторы рассматривают вечернее и заочное образование в общем плане, в основном с позитивных позиций, не ставят его острых и сложных проблем, связанных с плановым подходом к набору студентов, с материально-техническим обеспечением вечерних и заочных учебных заведений и др.

Несколько шире рассматривается вечернее и заочное образование в работах второй группы, представленных диссертационными исследованиями, публикациями³. Авторы расширяют круг исследования проблемы, ставя вопросы создания сети вечерних и заочных учебных заведений, организации и совершенствования учебного процесса, приводят новые статистические и другие материалы. Однако рассматривая высшее или среднее специальное образование в целом, они не изучают и не выявляют специфику вечернего и заочного обучения, не касаются социально-бытовых и других важных и сложных проблем обучения без отрыва от производства.

Непосредственно исследованию вечернего и заочного образования в вузах Западной Сибири, в том числе и Томска, посвящены статьи Г.Т. Трубициной⁴. В них рассматривается спектр различных проблем обучения без отрыва от производства, в том числе таких важных и интересных, как привлечение предприятий к подготовке технических специали-

тов, повышение эффективности и качества заочного обучения. К сожалению, количество таких публикаций пока ограничено, а их содержание не соответствует новым требованиям исторической науки. Авторы преувеличивают рамки и эффективность вечернего и заочного образования, не выявляют в должной мере всех его сложностей, трудностей и противоречий, делают тенденциозные выводы, дают упрощенные оценки.

В то же время становление и развитие рыночных отношений требует основательной подготовки и переподготовки производителей путем различных форм, в том числе заочных и вечерних. В этой связи критическое изучение и глубокое осмысление опыта прошлых лет сегодня необходимо и важно.

Однако его исследование должно осуществляться на другой методологической основе, более широкой источниковой базе, отражать сложные и малоизученные проблемы обучения без отрыва от производства, давать объективную и реальную оценку всех его сильных и слабых сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народное хозяйство РСФСР в 1970 году: Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат, 1971. С. 434-437.
2. Черноброд И.М. Повышение общеобразовательного уровня трудящихся химической промышленности Западной Сибири в 1958-1961 гг. Вып. II. Кемерово, 1966. С. 235-230; Милюнин С.Е. Роль партийных организаций Западной Сибири по повышению культурно-технического уровня рабочих топливно-энергетических отраслей промышленности /1959-1970/ Автореф. дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 1937.
3. Дырэнко И.И. Из истории партийного руководства укреплением учебно-материальной базы высшей школы Западной Сибири в 1959-1965 гг. Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Вып. II. Томск, 1974. С. 165-184; Киселёв Л.И. Об эффективности подготовки инженерных кадров в высшей технической школе Западной Сибири 1955-1970 гг. Наука, образование, производство: проблемы развития и взаимосвязи. Томск, 1981. С. 167-175.
4. Трубицина Г.Т. Участие профсоюзов Западной Сибири в оказании помощи вечернему и заочному образованию молодежи. Из истории профсоюзных организаций Кузбасса: Материалы научной конференции по истории профсоюзных организаций Кузбасса. Кемерово, 1972. С. 203-211; Трубицина Г.Т. Партийное руководство подготовкой инженерных кадров без отрыва от производства в 1959-1965 гг. На примере предприятий Западной Сибири. Наука, образование, производство: Проблемы развития и взаимосвязи. Томск, 1981. С. 207-218.

Т. А. БЫКОВА
ВНЕДРЕНИЕ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
г. ТОМСКА В ПРОИЗВОДСТВО В 70-е ГОДЫ

В исследуемый период под видом стабильности в экономике и видимости социального мира обострились глубинные противоречия, усилилась стагнация во всех сферах жизни. Молодежь уже не имела безграничной веры во всемогущество власти, появились первые сомнения по поводу постоянно декларируемых преимуществ социализма перед западными цивилизациями в экономике, в культурно-бытовой сфере. Начинала исчезать уверенность и в отношении лидерства СССР в науке и технике, о чем свидетельствовали темпы внедрения новейших разработок в экономику нашей страны. Если в 60-е годы число изобретений и рациональных предложений, использованных в производстве, увеличилось на 35%, то в 70-е годы их рост был в два раза меньше. Тем не менее народное хозяйство страны регулярно пополнялось специалистами различного профиля. К концу 1980 г. численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в различных отраслях народного хозяйства, только по Западной Сибири достигла 1470 человек. Однако рост численности специалистов не соответствовал их качеству. Подготовка квалифицированных кадров в высших учебных заведениях во многом устарела и перестала отвечать требованиям производства, задачам быстрого освоения достижений науки и техники. Отсутствие налаженной системы научно-исследовательской работы сводило на нет все усилия многих преподавателей и студентов. Слабая материально-техническая база вузов, устаревшее оборудование являлись тормозом подготовки творчески мыслящих специалистов высшей квалификации.

Наряду с проблемами подготовки кадров специалистов не последнюю роль играло то обстоятельство, что многие молодежные разработки подолгу, а то и вовсе не внедрялись из-за бюрократических согласований, ведомственности и безответственности. В рамках затратного хозяйственного механизма рационализаторство было лишь графой отчетности, а не мощным стимулом ускорения научно-технического прогресса. В подтверждение сказанному можно привести пример Томского подшипникового завода, где лишь 65% принятых предложений внедрялось в производство. Более 30% по истечении времени отклонялось, т.к. морально устаревали. На заводе в 1977 г. насчитывалось 425 рациональных предложений прошлых лет.

Проблема слабой внедряемости творческих предложений, особенно молодежи, не раз поднималась в партийных и комсомольских инстанциях. Постановка вопроса о необходимости сокращения срока внедрения разработок была правильной, а как на деле решать этот вопрос, осталось невыясненным. Попытки изыскать пути решения данного вопроса предпринимались Томским областным советом молодых ученых и специалистов. Он предложил объявить двухлетку (1976-1977 гг.) апробирования различных форм внедрения с последующим обсуждением. Решение было принято, а результаты остались неизвестными. Не удалось найти даже упоминания об этом мероприятии.

Вряд ли можно было в период застойного времени решить эту проблему, тем более одному, часто начинающему новатору. Доказывать пользу своих предложений, проявлять настойчивость мог не каждый. Только энтузиастам удавалось ускорить процесс внедрения. Для молодого специалиста и ученого использование его предложений являлось мощным вдохновляющим стимулом. Неудачи с внедрением, особенно если они первые, порой становились одной из главных причин прекращения занятий техническим творчеством.

В исследуемый период несвоевременная выплата авторского вознаграждения, выдача удостоверений, дипломов и т.п. необоснованно задерживались. Так, из 460 внедренных в 1978 г. предложений на подшипниковом заводе только в 305 были своевременно выплачены денежные вознаграждения. Нашлось много причин такого равнодушного отношения. Одна из главных - волокита со стороны лиц, выдававших справки о внедрении, а также задержка со стороны бухгалтерии при расчете на экономический эффект. С одной стороны, отсутствовала заинтересованность администрации в поощрении победителей конкурсов лучших рационализаторов и изобретателей, с другой - сказывалась слабость материальной базы органов, которые проводили различные мероприятия.

Серьезной причиной нежелания заниматься творчеством являлось отсутствие контроля за соблюдением законоположений в рационализаторстве и изобретательстве. На некоторых предприятиях, НИИ, конструкторских бюро укоренилась порочная практика незаконного расходования денежных средств на выплату вознаграждений за предложения, не являющиеся рационализаторскими, а также премий за содействие внедрению. Многие указания, советы, исходившие от руководящих работников, ИТР по долгу службы и касавшиеся осуществления обычных (организации но-технических мероприятий) фальсифицированно расценивались как предложения, весьма произвольно определялась их экономическая эффективность, и авторам выплачивалась нередко круп-

за сумму вознаграждений".

Неоправданные диспропорции в премировании инженеров, рабочих, служащих в изучаемый период стали распространенными явлениями. Они были характерны для томских заводов: измерительной аппаратуры, подшипникового, электротехнического, приборного, производственного объединения "Контур".

Для активизации творческой активности молодежи на каждом предприятии проводились конкурсы на "Лучшее предложение", "Лучшего рационализатора" и т.п. Регулярными эти мероприятия были в СФТИ, ТПИ, п/о "Контур", но особой популярностью не пользовались. В них участвовало лишь 0,3% молодых специалистов. Формализм, недостаток гласности, отсутствия единых критериев при подведении итогов снижали значимость этих мероприятий. Это позволяло произвольно выбирать победителей, приписывать незаслуженные успехи одним, принижать вклад других. Заметим, что для этого периода характерно приурочивание конкурсов к юбилейным датам, откритию съездов, и т.д. Недостаточная организованность, а также поспешность, наложение одних мероприятий на другие снижали важность и эффективность данных конкурсов.

В целом проблема внедрения научных разработок, предложений, особенно молодежи, оставалась нерешенной. Наряду с названными причинами было еще то, что производство и стимулирование труда было ориентировано на экстенсивный путь развития. Затратная и слабо эффективная система производства, скованная централизованной структурой командно-административной системы управления, оказалась равнодушной к научно-техническому прогрессу. В таких условиях даже молодые рабочие: конструкторы, инженеры, которые имели четкие ориентиры на техническое творчество, научный поиск, все же изгавились от этих склонностей и впали в состояние своеобразной технологической апатии.

Е. И. ГУЗАРОВА

ПРЕССА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ФАКТОР СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПСИТИКИ В 70-е ГОДЫ

В начале 70-х гг. население Западно-Сибирского региона насчитывало немногим более 12 млн человек (1, 16-17). Местные организации КПСС, составлявшие чуть более 5 % общей численности населения, располагали почти 400 печатными органами. По количеству газет и их тиражам Западно-Сибирский район занимал соответственно 5-е и 6-е место среди 10 районов РСФСР и 1-е - среди районов Сибири и Дальнего Востока (2, 182-184). В прессе рассматриваемого региона сотрудничали 250 штатных журналистов (3, 222-223).

Печать рассматривалась исключительно как средство партийно-политической работы парткомсов. Не случайно создание новых печатных органов зависело не столько от читательского спроса, сколько от целей и задач, поставленных ЦК КПСС и местными руководящими партийными органами в тот или иной период времени. Четверть всех газет Западной Сибири издавалась в Кузбассе. Абсолютное большинство вновь созданных газет приходилось на районы нового промышленного освоения. Так, только в Тюменской области было открыто более 10 новых газет, а тиражи выросли на 60 % (4, 77). Новые печатные издания появились в северных районах Томской области. Из созданных в первой половине 70-х гг. 43 газет абсолютное большинство приходилось на крупные индустриальные центры.

Парткомы проявляли постоянную заботу не только о расширении сети печатных изданий, но и о росте тиражей газет, которые увеличились в 1970-1975 гг. на 615 тыс. экз. и составили около 3 млн экземпляров. Тиражи западно-сибирских изданий росли быстрее, нежели в других районах России.

Печать оставалась под достаточно жестким партийным контролем. На заседаниях бюро областных и краевых комитетов КПСС систематически рассматривались вопросы руководства средствами массовой информации. Преимущественное внимание отводилось подбору, подготовке и переподготовке журналистских кадров, совершенствованию сети печатных изданий, изменению тиражности газет, утверждению планов редакционных коллективов.

Симптоматично повышенное внимание ряда партийных комитетов к проблемам повышения действенности печати. Отсутствие рынка, монополия государства на периодические печатные издания, отсутствие сводовы прессы и закона о печати не могли не повлиять на содержание понятия "действенность печати", под которым понимали,

во-первых, непосредственную организационную работу журналистов и актива редакций после газетных публикаций. Партийные комитеты не допускали исчезновения с газетных полос рубрик "По следам наших выступлений", "После критики", "Возвращаясь к печатанному" и т.п. Во-вторых, более действенным считался тот печатный орган, который имел солидную редакционную почту и широкий авторский актив. Усилия журналистов растрачивались на "организацию авторских материалов", привлечение рабкоров. "Заавторство" становилось устоявшейся традицией. Однако поддержка редакций, в единичных случаях, приводила к тому, что из рабочих корреспондентов вырастали профессионалы. Ярким примером служат судьба токаря томского завода "Сибалектродвигатель", лауреата премии Союза журналистов СССР В.И.Сомова.

В-третьих, действенность печати рассматривалась как влияние, в той или иной форме, газетных публикаций на развитие творческой активности читателей (организация откликов на те или иные вопросы передовиков производства, участников социалистического соревнования и т.п.). Таким образом, проблема действенности решалась в условиях идеологического монополизма и средствами, зачастую чуждыми прессе как общественному институту.

Профессиональный состав журналистов региона оставался желать много лучшего. Лишь около 50 % редакционных работников имели высшее образование и лишь 9-16 % - специальное, журналистское (5). Особенно неблагоприятным было положение с кадрами районной и многотиражной печати. Так, если в целом 50 % сотрудников газет Томской области имели высшее образование, то в районной печати их было всего 39 %. В редакции колпашевской городской газеты "Советский Север" лишь один сотрудник имел высшее журналистское образование, а в асиновской "Причулымской правде" таковых не было вообще (6).

Редакции многих районных газет пополнялись выпускниками средней школы. Лица со средним образованием занимали ответственные посты. В районной печати Омской области почти половина заместителей редакторов, заведующих отделами, ответственных секретарей редакций не имели высшего образования. Исключение составляла печать северных районов Тюменской области. Тюменский обком партии с помощью ЦК КПСС укрепил редакции районных, городских и окружных газет выпускниками вузов. В Ханты-Мансийском национальном округе более 60 % журналистов имели высшее образование, в том числе 27,3%

- олеп чьное, журналистсково. В Емало-Ненецкоѳ округно газете "Красноѳ Север" сотрудниково с высшего образованием было 66,6 %, а в редакциях Нижневартовскоѳ и Сургутскоѳ газет - более 80 % (7).

Для большинства редакций актуальной проблемой становилось закрепление кадров. Так, в редакциях 62 районных газет Алтайского края за пятилетку сменилось более 100 заместителей редакторов, 266 ведущих отделами и около 400 корреспондентов. Нередкими были случаи, когда редакции полностью обновлялись в течение одного года.

Причинами текучести кадров были недостаточно высокий уровень их профессиональной подготовки, неудовлетворительные производственные и бытовые условия, невнимание со стороны партийных комитетов и т.п.

Неслучайно в середине 70-х гг. проблема партийного руководства прессой несколько раз становилась предметом обсуждения в ЦК КПСС и, соответственно, местных партийных организациях. В Западной Сибири была расширена и усовершенствована система переподготовки журналистских кадров в рамках партийной учебы, было принято решение об открытии специальности "журналистика" на филологическом факультете Томского государственного университета и т.п. Вместе с тем с каждым годом всё острее становилась проблема подписки на периодические издания, падал престиж журналистского труда.

Таким образом, в 70-е гг. в Западно-Сибирском регионе заметно увеличилось число газет и других периодических изданий и вместе с тем политические и социальные условия не благоприятствовали развитию прессы как средства коммуникации. Региональная печать лишалась "своего лица".

1. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: Стат. ежегодник. М., 1971.
2. Печать СССР в 1971 г.: Статистические материалы. М., 1972.
3. Союз журналистов СССР между III и IV съездами: Информационный материал. М., 1977.
4. Партийный архив Тименского обкома КПСС, ф. 124, д. 143, л. 261.
5. Подсчитано автором по фондам партийных архивов.
6. Партийный архив Томского обкома КПСС, ф. 482, оп. II, л. 6, л. 16.
7. Подсчитано по фондам партийного архива Тименского обкома КПСС.

В. П. АНДРЕЕВ
УЧАСТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ТОМСКА В ВЫБОРАХ
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР 1989 г.

проведение политической реформы, выборы народных депутатов СССР и работа I съезда народных депутатов стали событиями исключительной важности и значимости и имели далеко идущие последствия. Развитие указанных событий в Томске имело свою специфику, что во многом было связано с заметно возросшим влиянием интеллигенции на ход политических процессов в городе на Томи.

Интеллигенция Томска активно поддержала перестройку, была инициатором проведения ряда массовых акций, создания неформальных организаций. Многие стали активистами клуба "Содействия революционной перестройке" в Томском университете, ставшем своеобразной "кузницей" будущих политических лидеров и депутатов. В июне 1988 г. накануне XII конференции КПСС на стадионе "Труд" прошел массовый митинг, что стало новым явлением политической жизни города. Несколько ранее были проведены митинги, подготовленные неформальной организацией "Экологическая инициатива", против строительства завода БВК. из социально-экологического движения "зеленых" вышли многие руководители оппозиции конца 80-х гг. Благодаря возросшей активности горожан, их массовому протесту, центральные ведомства вынуждены были отказаться от строительства завода БВК в Томске. Это была большая победа, она вселила уверенность в широкие слои томичей, что сообща можно противостоять диктату всемогущих хозяйственных ведомств, всевластно консервативных, антидемократических сил.

Представители интеллигенции стали инициаторами создания политико-просветительского общества "Мемориал", одно из первых его отделений было создано в Томске. Её усилением была осуществляемая своеобразная "революция уюнастроений", что определило немалые подвижки массового сознания. Регулярными стали выступления представителей интеллигенции по местному радио, телевидению, на страницах областных газет, что получило название "перестроечной публицистики" - в течение нескольких лет местные журналисты, писатели, экономисты, историки призывали друг друга "покаяться", ликвидировать "белые пятна советской истории", "сказать все правду". Лишь в последнее стало ясно, что вся полемика вокруг "советского тоталитаризма", "белых пятен в истории" была составной

часть большой политической игры и о поиском научной истины не имела почти ничего общего.

Тон дискуссий задавали не самые компетентные, особо не утруждаясь себя поиском и анализом фактического материала, недостаток источников нередко дополнялся домыслом, собственной фантазией. Тем не менее эта продукция пользовалась спросом. Так называемая "эра гласности" подтвердила верность оценок, высказанных в конце прошлого века французским социологом Г. Тардом о влиянии публицистов на читающую публику¹. Газетные и телевизионные "откровения" живо обсуждались на работе, дома, на отдыхе, возникло бесчисленное множество политических клубов, "круглых столов", "дискуссионных трибун", сложился широкий слой "жадно читающей публики". Каждый более-менее значительный автор, публицист имел свою читательскую аудиторию, своих поклонников. "Перестроечная публицистика" сыграла свою роль в радикализации взглядов немалой части населения.

Ухудшение социально-экономической ситуации в стране, отсутствие сколько-нибудь заметных перемен на путях обновления общества привели к расколу в рядах КПСС, заметно усилив в ней радикально-реформаторское течение. Его представители выступали с требованием ускорения реформы, взяв на вооружение демократическую лексику, имея о демократии весьма смутное представление - демократия для них была скорее символом, титулом.

Разумеется, отношение интеллигенции к происходившим событиям было далеко не однозначным, широк был разброс мнений и позиций, чёткая поляризация взглядов обозначилась позднее. Именно "негативный консенсус" стал на первых порах объединяющим моментом - резко критическая оценка советского прошлого, отрицание тоталитарных структур. Не было ясности в понимании перспектив развития, требования оводились к набору общедемократических фраз. Такая же картина наблюдалась в других научных и культурных центрах России.

Конечно, интеллигенция была неоднородна по социальному статусу, материальному положению. Элитарная её часть - высокооплачиваемые сотрудники вузов, НИИ и пр. - имела высокие доходы, хорошие жилищно-бытовые условия, этот слой имел особую мораль и нормы поведения. Большинство - аспиранты, научные сотрудники, врачи, учителя - испытывали немалые житейские трудности, десятками лет стояли в очереди на получение квартир, часто перебивались случайными заработками. Свои трудности бытия, личные невагоды адресовали КПСС, местному руководству. Многие из них в условиях ослаб-

ления политического диктата ринулось в политику.

Они отличались умением дикутировать, не нутались теленамеры, смотрелись лучше, раскованней партийных функционеров, что особенно проявилось в ходе кампании по выборам народных депутатов СССР. Агитационная работа неформалов Томска во многом определяла общественное мнение горожан. Их самостоятельные формирования удачно сочетали различные формы работы. Партийные организации оказались неготовы к ведению открытой избирательной кампании, совершенно не обладали опытом мобилизации голосов избирателей на альтернативных выборах, рекламирование кандидатов выглядело архаично, традиционно, кустарно. Стремление действовать по старинке, неуклюже подобрать кандидатов и провести их в депутаты встретило достаточно организованное противодействие неформалов и явное недовольство гомичей, прежде всего студентчества. На этой волне и выдвинулся сотрудник НИИ ядерной физики при ИФВ С. С. Сулакшин.

Стремление руководящих структур во что бы то ни стало не допустить выдвижения молодого радикала дало противоположный результат, а попытка дискредитировать его программу в средствах массовой информации дала обратный эффект - усилила к нему симпатии, стала своеобразной рекламой. Сулакшин получил широкую поддержку, уловив настроение широкой массы, то, что ее тревожило, что наболело за долгие годы.

Это вылет промазав в условиях резкой поляризации, неоправданного накала эмоции и страстей, что сказалось на методах ведения полемики. Представители его команды не особенно церемонились с соперниками - генеральным директором объединения "Иолос" В. Голубевым и академиком АМН Р. Карповым, опускались в полемике до вульгарно-трамвайного хамства. Это было наглядным свидетельством уровня их политической культуры.

На какой-то момент город охватила митинговая эйфория. Хорошо известно, что на митингах не ищут лучших решений, соорвавшее все воспринимает в манихейском духе - "да здравствует" или "долой". Берут верх сиюминутные настроения, сила голоса заменяет силу аргумента. Митинги стали своеобразным инструментом психологического давления - теряется независимость суждений, падает критичность, растет внушаемость, бессознательная агрессивность. Митинговая эйфория времен перестройки лишь подтвердила верность выводов, сделанных французскими социологами Г. Лебоном, Г. Тардом и нашим соотечественником Н. К. Михайловским в конце прошлого века.

Населению было трудно ориентироваться в разногласиях мнений, идейной сумятице, яростном противостоянии, сделать правильный, осознательный выбор. Прехний избирательный стереотип оказался разрушен, новый только начал складываться, поэтому нередко голосование было случайным.

на альтернативной основе по 312-му избирательному округу, в состав которого входил Ленинский район Томска, был избран врач асиновской больницы А. Лукьянов. Наибольшим драматизмом отличались выборы по 313-му округу. Только по итогам 3 тура голосования народным депутатом был избран С. Сулакшин. Кроме того, по смелости общественных организаций без выборной борьбы народными депутатами стали секретарь райкома объединения "Сибкабель" В. Остроухов, бригадир отделочниц треста "Томскийстрой" И. Лицкевич, руководитель военно-спортивного клуба И. Шамин, бригадир лесозаготовительной бригады Н. Пчелка, но они мало чем проявили себя.

Громко заявил о себе Сулакшин, в ходе работы I съезда народных депутатов вошел в межрегиональную депутатскую группу, вел активную работу в ряде комиссий. Был замечен зарубежом, неоднократно выезжал в США в составе парламентских делегаций. Быстро превратил идею эволюции "от демократизации партии" до требования "туда над КПСС", от лозунга "Вся власть Советам", до разгона Советов. Это дальнейшая, понятная "эволюция" резко обозначилась после выборов 12 декабря 1993 г. Такого рода "эволюция" характерна для многих нынешних политиков России, но не только для них. Например, малоизвестный комиссар Конвента Фуше был ревностным сторонником Гомесшера, отличался беспримерной жесткостью, брехал Гомесшера, став одним из главных термидорманцев. Затем был яростным бонапартистом, способствовал реставрации Бурбонов, а начинал политическую карьеру как иезуит.

Итак, в результате выборов народных депутатов в Томске, как и по всей стране, резко усилилась политизация населения, ускорилось формирование сил оппозиции, заметнее обозначился раскол партийных рядов и партийной номенклатуры. Катализатором этих процессов как на региональном, так и на общесоюзном уровне стала интеллигенция.

Т.В. САВРАСОВА
ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА 1870 г. В ТОМСКЕ

История городского общественного управления - актуальная, но недостаточно еще изученная тема. Многие вопросы нуждаются в более полном освещении, и среди них - специфика городского самоуправления в Сибири. Не многочисленными остаются исследования, посвященные отдельным городам. Не является исключением и Томск. К числу практически не изучавшихся ранее тем относится проведение в Томске городской реформы 1870 г.

До введения Городского положения городское общественное управление в Томске регулировалось "Жалованной грамотой городам" 1785 г., а затем: "Учреждением для управления Сибирских губерний" 1822 г. По реформе 1785 г. органами городского управления были: "собрание общества градского", а также общая дума (собрание городских представителей) и шестигласная дума, руководимая городским головой. Общей думе отводилась распорядительная функция в области городского хозяйства, шестигласная дума рассматривалась как ее исполнительный орган, на практике же зачастую полняла роль думы (См.: I, С.160).

В отличие от европейской части страны управление сибирскими городами претерпело юридическое изменение в 1822 г. В ходе реформы Сперанского все города Сибири были поделены на 3 разряда в зависимости от количества населения. В Томске, отнесенном к многолюдным городам, были образованы полицейское и хозяйственное управления. "Присутствие" последнего состояло из городского головы и гласных, служивших по выборам и не получавшим жалованья, но канцелярия хозяйственного управления считалась находящейся на государственной службе, а содержание ее относилось на счет городских доходов (I, С.169-170; 2, С.57). Эти преобразования, упорядочив в определенной мере систему городского управления, в то же время усилили характерную для него бюрократическую зависимость. Представляется справедливым вывод А.А. Рейнера о том, что "в результате реформ Сперанского степень бюрократизации сибирского управления оказалась выше общероссийской" (2, С.36). В отношении городского управления положение изменилось с проведением городской реформы 1870 г.

В Томске, как и во всех других губернских городах России, Городское положение, получившее силу закона 16 июня 1870 г., вводилось незначительно. Первые выборы в новые высшие органы город-

ского общественного управления осуществились: на основе купеческого ценза, по 3-разрядной системе, прошли в Томске с 15 дек. 1870 г. по 8 янв. 1871 г. На 3 избирательных собраниях было избрано 57 гласных в городскую думу и 49 кандидатов к ним, из них купцов 62 человека, чиновников и дворян 20, мецан 24. Общая сумма ценза на этот избирательный период составила 16 р. Из 957 человек, получивших право голоса, купцов и почетных граждан было 151, дворян и чиновников - 95, офицеров - 13, мецан - 444, из них чинов - 52, казаков 10, крестьян 35, инородцев 14, разночинцев 9, остальные принадлежали к лицам неизвестных сословий. Лица духовного звания, а также учреждения и ведомства в этот период не вошли в состав избирателей (З.С. I, 19). Участие в выборах приняло 26% электората, в то время как средняя цифра по стране составляла 17,5 (4,С.62).

На должность городского головы, являвшегося председателем думы и, одновременно, управы, гласными был избран томский купец I гильдии Д.И. Тейшов, уже исполнявший эту должность в течение 2 сроков, а временно заступавшим его место ростовский I гильдии купец Е.И. Королев. Сообщение об утверждении томского головы и его заместителя министром внутренних дел было опубликовано в Правительственном Вестнике за № 186 (З.С. I 2).

Эти и последующие выборы выявили тенденцию, сохранившуюся на весь период действия Городского положения 1870 г. Купечество, составлявшее в Томске около 8% избирателей, шло более половины мест в думу, а для управы эта цифра была еще выше. Городские головы все принадлежали к купеческому сословию (З.С. VII). В целом же по России процент городских голов из купечества составлял 44,7%, а по Сибири 72% (4,С. 140). Таким образом, преобладающая роль торгово-промышленных элементов городского населения в муниципальной деятельности проявлялась в Томске особенно отчетливо.

Торжественное открытие томской городской думы состоялось 30 янв 1871 г., в день тезоименитства Александра II, о чем ему и была послана городским головой телеграмма соответствующего содержания. После совершения молебна голова, его заместитель и гласные были приведены к присяге томским губернатором Н.В. Родзянко, объявившим затем думу открытой. На первом заседании, 2 сент., гласные избрали (из своего состава) 5 членов управы, а также кандидатов к ним, и городского секретаря. Управа начала свою работу 3 сент., а 19 окт. думой был утвержден предложенный управой проект соединенной канцелярии

дум и управн. Проектом предусматривалось увеличение штата канцелярии, так как расширение компетенции городского общественного управления влекло за собой усложнение делопроизводства. Признавалось также необходимым повысить жалование канцеляристам, чтобы "при отсутствии преимуществ коронной службы... привлечь более способных и знающих дело служащих" (З.С.8-9). Канцелярия должна была состоять, по проекту, из 5 столов: один для делопроизводства губернского по городским делам присутствия и думы и четыре для управн (хозяйственный и строительный; торговый и распорядительный; квартирная комиссия и оценка недвижимых имуществ; бухгалтерский). В первом столе предполагалось иметь столоначальника и писца-регистратора, в каждом из 4 других - столоначальника, его помощника и по 2 писца. Учреждалась также регистратура управы, состоявшая из регистратора и архивариуса. Канцелярия находилась в заведывании городского головы, а распределением обязанностей между писцами занимался городской секретарь (З. С.10,11).

"Предметами ведомства" городского общественного управления по Городовому положению были вопросы хозяйственной деятельности и городского благоустройства, и в пределах этой сферы оно наделялось самостоятельностью и независимостью от администрации. В пределах городского поселения и отведенных ему земель городское общественное управление заведывало сборами и повинностями в пользу города, а также капиталами и другим городским имуществом и осуществляло, за счет городского бюджета, социальную политику. Однако бюджетное право думы было существенно ограничено "обязательными расходами". Так, в 1872 г., первом хозяйственном году нового городского управления, "обязательные расходы" (содержание правительственных учреждений: полиции, воинская квартирная повинность) составили 38%, а вместе с расходами на содержание охранный команды, находящейся тогда в исключительном распоряжении полиции, 50% бюджета. На содержание городского управления было израсходовано 19,5%, расходы же на народное образование, здравоохранение и городское благоустройство едва достигали 20% (См.: 5, С.223). Кроме того, хотя городское управление и было наделено распорядительной властью, оно не имело средств для приведения в исполнение своих распоряжений. Содержавшаяся на средства города полиция не подчинялась думе. В случае невыполнения обязанностей провановлений думы она могла лишь "сообщать на распоряжение полицейского управления; об оказании же... содействия со сторо-

ны... полицейского управления... просить г. начальника губернии" (Э. С. 8).

Таким образом, по Городовому положению 1870 г. на Сибирь вновь распространилось действие общероссийских законов в области городского общественного управления. При проведении в Томске городской реформы, наряду с общими для всей страны тенденциями, выявились и свои особенности. Изучение деятельности городского общественного управления в Томске позволит лучше узнать и дополнить историю городского управления региона и страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабцевич В.В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII-первой половины XIX в. // Сибирские города XVII-начала XX века. Новосибирск: "Наука", 1981. С.155-173.

2. Ремнев А.В. Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX-начале XX вв.; Учеб. пособие. Омск, 1991. 87 с.

3. Свод постановлений Томской Городской Думы за 1871, 1872, 1873 гг. Томск, 1887. VII, 257 с.

4. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х - начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л.: "Наука", 1984. 256 с.

5. Шипицын А.И. Городское хозяйство Томска // Город Томск. Томск: Типо-лит. Сиб. Т-ва Печ. дела, 1912. С.262-278.

М. В. ШИЛОВСКИЙ

СИБИРСКАЯ ОБЛАСТНИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 20-30-х ГОДОВ О РЕГИОНАЛЬНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Активную деятельность, в том числе теоретическую, областники (А. В. Сазонов, М. П. Головачев, В. И. Моравский, И. И. Серебренников, И. А. Якушев, И. К. Окулич, П. В. Вологодский, В. Л. Зубовел и др.) продолжили в эмиграции. Ими создается ряд объединений - Совет уполномоченных организаций автономной Сибири в Маньчжурии, Общество сибиряков в Чехословакии. Отражая общие для российской диаспоры тенденции, областники и прежде всего попытались установить истоки поражения "белого движения", краха областнической концепции. Причину победы большевиков Якушев видел в наличии в России традиционно "сильного" центра и "слабых" окраин. Поэтому, когда этот центр был взорван октябрьским переворотом, "бессильные барактавшиеся окраины" ничего конструктивного сделать не могли. Отсюда следовал вывод, сформулированный Сазоновым в 1923 г.: "Будущее государственное, как Сибири, так и всей России, - писал он, - должно покоиться на областничестве. Сибирь и Европейская Россия естественным порядком делятся по территориальным и национальным признакам на ряд областей, автономных в своих внутренних хозяйственно-экономических и административных делах".

На основе этого фундаментального положения шла разработка проблем автономии региона с учетом опыта советского строительства (Якушевым, Окуличем, Головачевым, Серебренниковым и др.). Характерной чертой является примерно одинаковый перечень полномочий органов территориального самоуправления, совпадающий с "Основными положениями Сибирского областного совета" (1905). Различными были подходы в организации одесибирских органов.

Так, Окулич в основу автономного устройства Сибири предлагал положить федеральную систему США, при которой законодательные функции принадлежали бы небольшому по численности (100 чел.) региональному парламенту, избираемому не из профессиональных политиков и не по партийным спискам, а по персональным признакам. Исполнительная власть должна осуществляться военародно избранным президентом и Советом Министров, на местном уровне - через земские учреждения. Якушев и др. выдвигали модель парламентской республики во главе с Сибирской областной думой. Независимые судебные органы должны были возглавляться специально учрежденным для Сибири Сенатом.

О.А.СМОЛДИН

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕСТРОЙКЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ПОСЛЕ 1953 г.
(НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Кардинальное изменение властных структур в конце 80-х - 90-х гг. явилось одним из основных факторов кризиса, охватившего постсоветское государство. Ситуация во многом ехала с процессами, происходившими в хрущевское десятилетие, когда смерть Сталина и развенчание его деятельности породили кризис авторитарной власти. Поэтому изучение вопроса о реформировании властных структур в 1953-1954 гг. является не только интересным с точки зрения политической истории XX в., но и весьма ценным для более углубленного осознания современной обстановки в России.

Цель преобразования институтов власти началась практически сразу с приходом к власти нового лидера - Н.С.Хрущева. Начавшаяся этот процесс в изменении в области кадровой политики. Так, постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 14 октября 1954 г. предусматривалось значительное сокращение численности аппарата управления. Результатом этого шага должно было стать упразднение "200 главных управлений, управлений и самостоятельных отделов, 147 трестов, 93 местных управлений, 896 снабженческих организаций, более 4 тыс. мелких структурных подразделений", что соответственно должно было дать экономии более 5 млрд рублей в год¹.

Сокращение и удешевление структуры управленческих органов являлось не только серьезным шагом на пути перестройки органов власти и управления, но и было одним из направлений этого процесса.

С другой стороны, был объявлен курс на демократизацию процесса управления государством. Стратегическое значение имело вышедшее в 1957 г. постановление ЦК КПСС "Об удешевлении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами". Создаваемая в связи с этим иллюзия самостоятельного управления трудящихся государством через их участие в различных общественно-массовых объединениях облегчила бы, в свою очередь, отвлечение внимания населения от реального положения дел. Этому способствовала и усиленная пропагандистская работа. Помимо этого, общественные организации были призваны восполнить пробел, создаваем-

мый упразднением ряда низших управленческих структур.

Процесс демократизации, в свою очередь, контролировался создаваемыми во все большем количестве контрольными комиссиями: административной, партийного контроля, народного контроля и ряда других.

Две данные линии были направляющими в процессе перестройки органов управления. Опыт с совнархозами и неудавшаяся реформа 1962 г. представляют собой третью ветвь непосредственно структурной перестройки институтов власти и управления. В то же время их непродуманность и поспешность свидетельствуют о глубине кризиса, который ощущала и спешила преодолеть власть.

Процессы, происходившие в центре, сильно ослабляли устойчивость к кризису периферийных районов, в том числе и регионов Западной Сибири. Вспорно, кризисные явления скамывались в Сибири не столь сильно, как в центре. Этому способствовал ряд специфических обстоятельств: удаленность от центра, менее развитая экономическая база и т.д. Это создавало несколько иной, отличный от европейских регионов страны общественный менталитет.

Однако интенсивность преобразований и связанное с этим определенное изменение самой парадигмы развития советского общества повлияли на рост кризиса в сибирских областях, особенно там, где в связи с Великой Отечественной войной произошли наиболее сильные изменения в экономической, социальной, демографической сферах. Достаточно сказать, что если общий рост численности населения с 1939 по 1959 г. составил в целом по стране около $9\%^{2}$, то население Сибири выросло за этот же период почти на $1\%^{3}$. Происходило это в основном за счет эвакуированных, переселенцев, а в послевоенные годы было связано и с освоением сибирских целинных и валенных земель. Так, только в 1955-1958 гг. в колхозы Томской области прибыло 4845 семей переселенцев (более 10 тыс. трудоспособных человек)⁴. Новые люди так или иначе влияли на общественное сознание, привнося в него иные, не свойственные сибирскому самосознанию элементы, что, в свою очередь, не могло не отразиться на усилении кризисной ситуации в регионах, особенно после XX съезда КПСС.

Томская область не являла собой исключение из западносибирского региона. Реформирование властных структур происходило здесь, как и в целом по стране, в трех основных направлениях: сокращение и удешевление государственного аппарата; "демократизация" проце-

сов управления; структурная перестройка.

Нельзя сказать, что эти реформы глубоко проникли в суть реорганизуемых институтов. Устранялись, как правило, второстепенные отделы низовых структур. Так, прошла реорганизация отдельных звеньев советского районного аппарата: торгового отдела, функции которого были переданы потребительской кооперации; отделов администрирования и народного просвещения. Всего к 1958 г. в результате проведенных облисполкомом мероприятий по упрощению и удешевлению управленческого аппарата было высвобождено около 200 человек квалифицированных работников. Средства, высвободившиеся от сокращения штатов, составили 1,3 млн. рублей⁵. Однако большинство из сокращенных работников лишь переводились из одной организации в другую, что хорошо можно проследить на примере ликвидации райисполкомов в г.Томске.

Еще до упразднения этих структур "практическая работа районных советских органов сводилась в значительной мере к рассмотрению заявлений об отводе земельных участков индивидуальным застройщикам, представлении к наградам многодетных матерей и т.п. мелочи"⁶. Упразднение в 1959 г. районов города, а вместе с этим соответственно и районных органов управления - райисполкомов должно было дать экономии в четверть миллиона рублей в год и номинальное сокращение советского аппарата на 35 человек. Однако большая часть работников упраздненных комитетов была переведена в соответствующие отделы горисполкома, что, в свою очередь, привело к увеличению штатов и средств данного исполнительного органа. Например, до ликвидации районов города в городском финансовом отделе было всего 20 работников, а после реорганизации их стало 57, поскольку туда влились практически все работники райфинотделов⁷.

Необходимо учесть и тот факт, что расширение сети общественных организаций, призванных заменить упраздненные структуры, тоже требовало немало финансовых затрат. В области, к примеру, действовало свыше 900 постоянных комиссий, объединявших почти 5000 депутатов и столько же активистов. Кроме того, создавалось множество общественных организаций, в которых к 1959 г. участвовало свыше 200 тыс. человек⁸. Рассматривая же результаты их работы, следует признать, что они далеко не всегда оправдывали свое многочисленное существование. Так, 69 уличных комитетов, работающих в 1957-1958 гг. в г.Колпашеве, помогли сделать 1,3 тыс. метров

тротуаров, 26 перевозов и мостиков, посадить 3,7 тыс. деревьев⁹, в то время как лишь один уличный комитет в том же Колпашеве в 1960 г. высадил более 3,5 тыс. деревьев и построил 4,6 тыс. метров тротуаров и столько же метров оград¹⁰. Ю.Н.Казанцев справедливо отмечает, что в работе общественных самодеятельных организаций было "много дублирования, выполнения не свойственных им функций"¹¹.

Что же касается непосредственно структурной перестройки управленческих органов, то здесь следует отметить следующее. Несмотря на то, что реформа 1962 г. в Томской области коснулась лишь районного звена (в обкоме и облисполкоме были созданы лишь специальные отделы по управлению промышленностью), тем не менее урон от данного шага не замедлил сказаться. Это прежде всего относилось к руководству сельскохозяйственным производством, что отмечалось на VI сессии Томского облсовета в июле 1964 г. В целом в 1962-1963 гг. за редким исключением "партийными комитетами практически не обсуждалась работа местных Советов"¹², что не могло не сказаться на увеличении недостатков в их работе.

В итоге, реформирование местных органов власти и управления не дало ожидаемых результатов. Качкообразные и поверхностные меры, такие как сокращение аппарата и создание широкой сети общественно-массовых организаций, не могли остановить тот политический кризис, который схватил советскую политическую систему в целом и в частности ее стержень - идею авторитарного руководства.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ КПСС в резолюциях; решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.6. М., 1985. С.441.
- ² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1963. С.26.
- ³ Там же. С.29.
- ⁴ Красное знамя. 1959. 24 янв.
- ⁵ Красное знамя. 1957. 22 окт.
- ⁶ Антонов В. После упразднения городских районов // Совети депутатов трудящихся. 1960. № 7. С.62.
- ⁷ Там же. С.66.
- ⁸ Лавровский Н.А. Деятельность партийных организаций Томской области по повышению роли Советов в коммунистическом строительстве после XX съезда КПСС // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Томск, 1970. Вып.6. С.246.

⁹ Лавровский Н.А. Указ. соч. С.247.

¹⁰ Красное знамя. 1961. 17 фев.

¹¹ Казанцев Ю.И. Партийное руководство развитием общественных начал в работе Советов народных депутатов Западной Сибири (60-70-е гг.) // Партийное руководство Советами Сибири в период строительства и совершенствования социализма. Новосибирск, 1988. С. 6.

¹² Лавровский Н.А. Указ. соч. С.252.

Н. И. САЗОНОВА

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ ПАТРИАРХА НИКОНА

Раскол Русской Православной Церкви XVII века - явление неоднозначное, и подходить к нему можно по-разному. Можно попытаться посмотреть на события того времени как бы со стороны, "с высоты нашего времени". В таком подходе есть свои положительные и отрицательные стороны. К последним относится, в частности, то, что в этом случае исследователь неизбежно приписывает свое миропонимание, свой взгляд на проблемы людям, жившим несколько столетий назад, в результате чего и возникают клише типа "средневековая ограниченность", "обрядоверие". Вряд ли это помогает выяснению истинной картины событий. Думается, что понять мотивы действий участников событий можно лишь попытавшись взглянуть на последние их глазами и именно с этих позиций проанализировать реформу. Для участников полемики XVII века обряд выражает определенное представление о догматах, т.е. основах вероучения. То или иное изменение обряда защищает или отвергается с "выходом" на основные богословские вопросы. Важен вопрос, почему церковная реформа была воспринята значительной частью верующих как отступление от православия. Что содержала в себе она (с точки зрения того времени, а не нашего), что могло быть воспринято именно так? Для выяснения этого вопроса необходимо: 1) Определить объективное направление реформы, т.е. общие тенденции изменений, независимо от намерений их авторов. Как и в современном русском языке, большинство слов церковно-славянского языка имеют несколько значений и, соответственно, вызывают различные ассоциации у слушателя. Представляется, что именно этим во многом определяется восприятие людьми никоновской реформы. Рассмотрение произведенных изменений в богослужебных книгах может дать примерную картину того, как могли отнестись верующие к тому или иному изменению текста. 2) Проанализировать, как преломляла реформа в полемике старообрядцев и реформаторов, на чем настаивали, на что обращали внимание те и другие? В чем причина возникновения взаимного непонимания и, в конечном итоге, раскола?

Здесь речь пойдет в основном об объективных тенденциях реформы. Для их выяснения необходим анализ богослужебных книг, из-

вших до и после нее. В данном случае это богослужебные книги из Фонда редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета: Требники, Часословы и Октоихи. Необходимо оговориться, что псалмопереформенные издания представлены книгами X III—XV вв. Не смотря на это, они в целом отражают без искажений тенденции икононовской реформы, т.к. последующие изменения в книгах не носили столь глобального характера, как реформа Иконона.

Количество внесенных реформой изменений очень велико, однако они вполне поддаются классификации. Довольно четко выделяются по крайней мере две группы изменений, о которых и пойдет речь. Это: 1) Изменения, затрагивающие некоторые нюансы в понимании основ вероучения. 2) Изменения, затрагивающие отношения верующего к Богом, Царювю, духовным отцом.

Направление изменений, относящихся к первой группе, достаточно хорошо видно на примере одной из наиболее часто употребляемых в богослужении молитв, молитвы Святому Духу: вместо "Царю Небесный, Утешителю, Душе истинный..." в старом варианте, в псалмопереформенных изданиях напечатано "...Душе Истинны". Если старобрядческий вариант имеет в виду свойство одной из Ипостасей Троицы, то в новом - "Дух Истинны", т.е. Дух, исходящий от Истинны. Аналогичное изменение содержит и другие молитвы (I, л.7,2, л.Р 4, л.117, 6, с.100). Само по себе это изменение не дает еще оснований для далеко идущих выводов, но его можно соотнести с другими. В частности, многократно повторяется (в начале и конце почти каждой службы) в старых книгах "Господи, помилуй" дважды, "Господи, благослови"; в новых - "Господи помилуй" трижды; "благослови" 15, л.19, 6, с.60). Сторонник реформы архимандрит Дионисий комментирует аналогичное изменение (введенное "трое иже адлилуйя"), говоря о стремлении реформатора подчеркнуть единство Троицы, т.е. "Аглюкуйт" Отцу, Сыну, Св.Духу и "Слава Тебе, Боже" - ко всей Троице (9, с.15). Это, видимо, было целью также и других вышеназванных изменений. Кроме того, обращает на себя внимание Канон Святей и Живоначальной Троице из Октоиха. Здесь везде вместо "соста" в старом варианте в новом напечатано "ипостась" (7, л.13 об., 15, 8, с.13-14). Согласно словарю И.И.Срезневского, "состав" - собрание, совокупность, смешение, монашеское общежительство (!), природа, естество, ипостась, в то время как "ипостась" имеет в

основном только религиозный смысл (10, т. 3, стб. 825-826, т. 1, стб. 110). Можно предположить, что реформаторы стремились исключить любые "приземленные" толкования догмата Троицизма. Наконец, следует отметить, что во многих молитвах обращение к Христу заменено обращением к Троице. Такие изменения содержатся и в Требниках, и в Часословах, и в Октоихах (I, л. 9, 3, с. 24, 4, л. 191, 6, с. 12, 7, л. 16, 8, с. 23). Таким образом, реформаторы стремились подчеркнуть единство Троицы и единство Христа с Троицей, а также удалить из богослужебных книг любые намеки на "приземленное" восприятие Бога.

Что же касается второй группы разногласий, то здесь особо следует выделить несколько грамматических изменений. Во-первых, это замена грамматических времен: перфект вместо аориста. Согласно "Грамматике церковно-славянского языка иерс знаха Алимпия, аорист обозначает действие, непосредственно предшествовавшее моменту рассказа, в то время как перфект "поставляет процесс, им обозначаемый, вне основного контекста, составляющее действие рассказа и отражающее живое участие говорящего" (12, с. 204). Замена аориста на перфект произведена в основном в молитвах, где речь идет о Христе и Его миссии (I, л. 21, 3, с. 27, 5, лл. 36-37, 6, с. 81-82, 7, л. 2, 8, с. 5 и другие.). Во-вторых, в целом ряде молитв краткие прилагательные и причастия заменены на полные. Первые употребляются обычно, если речь идет о новом, впервые упомянутом предмете, вторые - если речь идет о предмете общеизвестном (12, с. 217-218). Это изменение также содержат и Требники, и Часословы, и Октоихи (I, л. 10, 3, л. 21, 4, л. 130 об., 6, с. 99, 7, л. 2, 8, с. 3, и другие). В-третьих, ряд единичных изменений также позволяет судить о тенденциях реформы. Наиболее ярко направление этих изменений видно на таком примере: два из иерейских молитв в чине Крещения завершаются словами "...ко Твоему Благоугодию", в старом варианте, и "...благоугождению" в новом (I, л. 26, 3, с. 38). Согласно Словарю русского языка, "благоугodie" означает милость и угождение, а "благоугождение" - только милость (Бога) (II, Вып. I, М., 1975, с. 224). Подобные изменения можно обнаружить и в других молитвах (например, I, л. 20, 3, л. 21, 4, л. 136, 6, с. 131 и другие). Общий их мотив - подчеркивание роли Бога в спасении человека в старом варианте и акцент на роль самого человека в новом.

Говоря в общем о характеристике вышеупомянутых источников, следует отметить, что не смотря на вполне естественное отст-

вне и них конкретных замечаний о роли церковного обряда как такового, четко виден различный подход к нему старообрядцев и реформаторов. Наиболее ярким примером различия является замена в чине Крещения возложения Креста и соответствующих молитв фразой о том, что священник "обличает" крестившегося (1, л.29 об. 30, 2, л.17). Таким образом, реформаторы позволяют себе не обращать внимания на некоторые важные для их оппонентов "мелочи" (Не в этом ли причина обвинений их старообрядцами в запущении носить нательный крест?) И так, волею или неволею реформаторы отделились преодолеть существовавшее до реформы отношение к религии. До дореформенным богослужебным лиризм его можно охарактеризовать как особое, острое ощущение близости, реальности ветхозаветных и новозаветных событий (с чем связано употребление зориста и кратких форм прилагательных и причастий, это могло подчеркивать, что все события переживаются верующим как бы впервые). Отсюда, видимо, протекает тот священный трепет, который пронизывает каждую молитву в дореформенных книгах, и постоянное подчеркивание роли Бога в спасении человека. Можно сказать, что отношение реформаторов к религии было более практичным, что они перенесли акцент с обрядовой стороны религии на ее духовное содержание. Что при этом было утрачено, а что появилось нового? Каковы были долгосрочные последствия реформы: Все это может быть темой отдельного исследования.

1. Тресник, конец XVII века // фонд ОРК НБ ТГУ Витр. №В-5486.
2. Тресник. М., 1773 // фонд ОРК НБ ТГУ. Витр. № В-2310.
3. Тресник. М., 1910 // фонд ОРК НБ ТГУ. Витр. № В-5757.
4. Часослов М., 1646 // фонд ОРК НБ ТГУ. Витр. № В-8618.
5. Часовник. М., 30-40 гг. XVII века // фонд ОРК НБ ТГУ. Витр. № В-861
6. Октой. М., 1630. / фонд ОРК НБ ТГУ. Витр. № В-229.
7. Октой. М., 1981 // фонд ОРК НБ ТГУ. Витр. № 1-715141.
8. Часослов. М., 1981 // фонд ОРК НБ ТГУ. № 1-774190.
9. Сочинение архимандрита Димитрия // Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т.2. Серия. М., 1912. С. XIV-XV
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1955. т.1-3.
11. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-12. М., 1975-1987.
12. Алимпий, Грамматика церковно-славянского языка. М., 1991.

В.А.ХАНЕВИЧ

ИСТОРИЯ ТОМСКОГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ПРИХОДА (XVII-XVIII вв.)

Многовековая история Сибири в целом и старинного города Томска в частности изначально складывалась как история края многонационального, многоязычного и веротерпимого. Наряду с людьми православного вероисповедания Томск в течение многих лет строили и обживали, обороняли от врагов и воздвигали его славу мусульмане, иудеи, мортаваны, католики.

В сибирском краеведении тема истории редких конфессий является практически неразработанной и представляет огромные возможности для исследований для историков и краеведов. Не является исключением в этом плане и история Томского римско-католического прихода. Существующие публикации о томских католиках в основном затрагивали историю сооружения городского костела в 1833 году как памятника архитектуры, умалчивая о жизни прихода.

Томский католический приход, один из старейших в Сибири, принадлежал к Могилевской митрополии. Его история тесно связана с историей ссыльных, и среди них в первую очередь поляков. Католическая Церковь в далекой Сибири была для них не только Храмом Божиим, но и отчиной, семьей и другом.

Первые католики в Томске появились фактически с первых дней существования Томского острога в 1604 году. Краеведам хорошо известно, что среди первых жителей и строителей города много было казаков и служилых "литовского списка" - выходцев из Польши и Литвы, оставивших яркий след в истории старинного города. История их появления в Сибири и дальнейшей судьбы может стать темой отдельного исследования.

С годами одни из представителей томской "литвы" приняли православие и впоследствии ассимилировались с местным населением, другие продолжали, должно быть, придерживаться веры своей далекой родины, передавая её своим потомкам. Регулярно пополнялась Сибирь каторжниками и ссыльными, среди которых немало было и католиков. Очевидно, ещё со второй половины XVII века местные католики стали добиваться открытия в Томске прихода и строительства католической церкви. Наконец, 10 декабря 1706 года на имя генерал-губернатора Западной Сибири через Министрство внутренних дел поступило Высочайшее соизволение на открытие в Томске прихода и строительство церкви.

Первым католическую миссию в Томске в 1806 году основал орден иезуитов, проуществовавший до 1820 года. Первый настоятель Томского прихода о. Марцелий Каминский вначале совершал богослужения в частном доме Орхальского на Духовской улице. После 1820 года на смену иезуитам в Томск прибыли бернардинские священники, стараниями одного из них, о. Ремигия Апанасовича, и был построен в 1833 году томский храм на Воскресенской горе в центре города. Строили костел сильные поляки, повстанцы 1831 года на деньги, собранные о. Ремигием во время объезда своего огромного по территории прихода. Активными жертвователями на католический костел были не только католики-прихожане, но и православные, что отмечалось в одной из публикаций 1890 года¹. Костел был построен всего за один год и освящен о. Апанасевичем 1 октября (старого стиля) 1833 года под титулом Пресвятой Богородицы Покровской. В 1835 году бернардинцев в томском приходе сменили священнослужители ордена о. Доминика Усердием и заботами последующих настоятелей костела и его прихода сооруженный храм пополнялся церковной утварью и всем необходимым. На отведенных костелу землях было организовано образцовое хозяйство, построена колокольня, дом для священников и многое другое.

Одним из самых известных священников томского католического прихода XIX века можно считать о. Валериана Громадского, сосланного в Сибирь в 1861 году за политическую неблагонадежность. Некоторое время он жил в Омске, где через него сильные поляки поддерживали контакт с омскими "областниками" Ядрищевым, Потаниным, Шапковым, сумев предупредить их о грядущем аресте в 1865 году. В Томск о. Валериан был направлен в 1866 году помощником настоятеля прихода, а в 1883 году после перевода настоятеля прихода Захаревича в Петербург вступил в должность курата Томского прихода и исполнял её до 1900 года, прожив в Томске 32 года. Именно по его инициативе освещавшее здание храма было полностью перестроено, расширено и приобрело тот внешний облик, который мы можем видеть сегодня. Пользуясь поддержкой прихожан, он создал приют для детей заключенных, привез в город католическую кладбище с постройкой при нем часовни св. Антония, в 1893 году обосновал католическое благотворительное общество, которое осуществляло широкомасштабную деятельность на территории всей губернии.

К началу XX века в Томске и Томском уезде насчитывалось уже 10 тысяч католиков, в Мариинском уезде - 4 тысячи, в Каинском - 5 тысяч, в остальных уездах губернии ещё 2 тысячи католиков. В 1909 году в Сибири были образованы деканаты. Томский деканат, охватывавший Томскую губернию, был самым многочисленным в Сибири, насчитывавшим 35 ты-

сич католиков. (Омский деканат насчитывал 34308 верующих, Иркутский - 29925 верующих католиков. Во всех сибирских деканатах было 26 приходов и 25 часовен)³. К началу XX столетия томских католиков сущест-
вующий храм перестал удовлетворять из-за своих малых размеров. Верующих в городе было более 4-х тысяч, не считая выездного населе-
ния, а в костеле же могли разместиться при условии нестерпимой духоты
и тесноты, едва 600-700 человек. Остро встал вопрос о строительст-
ве второго католического храма в городе. При проезде через Томск
в 1912 году викарного епископа Цепляка этот вопрос был решен по-
ложительно, разработан проект храма, получивший утверждение Минис-
терством внутренних дел, избран строительный комитет под председа-
тельством настоятеля прихода, магистра богословия ксендза Демикса,
однако строительство по разным причинам отк дывалось, а впослед-
ствии начавшаяся мировая война и революционные события окончатель-
но похоронили эту мысль. Начался период торжества воинствующего
атеизма и уничтожения всего того, чего оумела достичь Римско-Като-
лическая Церковь в Сибири - Церковь, которая веками была неотъемле-
мой частью цивилизации нашего края.

В 1920 году устанавливается большевистский режим в Сибири на
долгие годы. Начались гонения на все религиозные конфессии, в том
числе и на римско-католическую. Особлностью гонений на католиков
по сравнению с представителями других вероисповеданий было, пожа-
луй, лишь только то, что помимо "контрреволюционной деятельности" и
распространения "опиума для народа" их ещё обвиняли, как правило,
в шпионаже в пользу "панской" Польши или буржуазных прибалтийских
республик. Начались репрессии как против рядовых прихожан-католи-
ков, так и против ксендзов. Не избежал в 1920 году Томский костел и
конфискация церковных ценностей и имущества. Причем архивные мате-
риалы показывают, что одними из первых начали изъятие имущества ко-
стела поляки-коммунисты⁵. В том же 1920 году был арестован ксендз
Белостокско-Маличевского прихода Томского уезда Грабовский и, как
утверждают свидетели, впоследствии расстрелян⁶. Другие овященники
взяты под негласный надзор карательных органов, последовали аресты
и ссылки. Так, 25 апреля 1931 года вместе с большой группой прихожан
был арестован органами ОГПУ настоятель Томского прихода, с 1926 го-
да исполнявший обязанности администратора Католической Церкви по
всей Сибири, о. Юлиан Гронский и осужден к заключению в концлагерь
сроком на десять лет (в 1934 году был выслан за пределы СССР
в 1927 году в Новосибирске арестовали ксендза Михасенка Николая,
прослужившего раньше в Томском уезде на один год. Его жизненный

путь завершился Соловецкими лагерями, ссылкой и смертью в городе Великий Устюг в 1933 году⁷. 14 июля 1937 года органы НКВД арестовали в Томске Антония Жуковского, пожалуй, последнего католического священника по всей Сибири, ещё остававшегося в 1937 году на свободе. После его ареста Томский костел власти закрыли, среди прихожан были произведены массовые аресты⁸. Католический приход сфиданально перестал существовать на долгие годы.

Возрождение католической общины в Томске началось лишь в 50-е годы в нелегальных коллективных богослужениях по квартирам верующих. Однако потребовалось ещё почти сорок лет упорных трудов за возрождение прихода, прежде чем томские католики добились официального признания своей общины и возвращения здания храма в лоно Католической Церкви. Решением Томского облисполкома от 9 апреля 1990 года здание храма было возвращено прихожанам, и в нем после проведенного ремонта возобновились религиозные службы. Вначале их совершали священники, приезжавшие в город на короткое время из Новосибирска, Прибалтики, Польши. С 1991 года постоянным настоятелем прихода стал коенде Антоний Гсаль, выпускник Рижской митрополитальной католической семинарии. За последние годы община переживает сложный процесс восстановления утраченных традиций и возрождения того, что было забыто, уничтожено...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сибирский Вестник. Томск, 1890. № 67.
2. История Сибири. М., 1968, т. 3, с. 115.
3. Петина и Хань // Католический Вестник. М., 1992. № 6. С. 41.
4. Адрианов А. В. Костел в Томске. // Томский Вестник. 1992. 5. 08.
5. Томский ЦУМ. Ф-1, оп. 1. Дело-1549-л. 341, 360.
6. Архив ФСК по Томской области. Архивно-следственное дело кс. Гронского.
7. Более подробно о судьбе кс. Михасенка: Ханевич В. А. Как овца вверен он был на заклание. // Томский Вестник. 1993, 17 января.
8. Ханевич В. А. Белостокская трагедия. Томск, 1993.

Л. И. СОСНОВЕЦ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С РЕЛИГИЕЙ И ВЕРУЮЩИМИ В ТОМСКОЙ
ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ 50-Х ГОДОВ)

Имманентным свойством, присущим тоталитаризму, является наличие образа врага, явного и тайного, реального и мнимого. Столь же обязательна для него и борьба с этими врагами. Советскому политическому режиму в разное время "грозили" то оппозиционеры, то кулаки, то "враги народа", космополиты, диссиденты и т.п.

Уыл в этой борьбе соперник, представляющий перманентную "головную боль" для правящей партии, - это религия (разные ее формы) и ее последователи. Не случайно каждый год из более чем 70-летней истории Советской власти дает много иссленные факты борьбы КПСС, социалистического государства с религией, церковью и верующими.

Доказательством этому может служить и пример организации антирелигиозной пропаганды в Томской области в 50-е годы.

К этому времени партийные организации накопили богатый арсенал средств для борьбы с религиозной идеологией и ее носителями. Ими были "одержаны крупные победы": разрушены храмы и монастыри, уничтожены или наказаны арестами и ссылкой многие священнослужители, сократилось число верующих.

Но до "полной победы" было еще далеко. Так, в 50-е годы в Западной Сибири, в том числе и в Томской области, насчитывалось значительное количество приверженцев почти всех религиозных конфессий, имевшихся в СССР, - православных и католиков, г.ютестантов и мусульман. Действовали организации баптистов, лютеран адвентистов, пятидесятников, меннонитов, Свидетелей Иеговы (последние особенно активно действовали в Асиновском и Туганском районах). В численном отношении верующих было больше, чем, например, в центральных регионах страны.

Это было следствием насильственной предвоенной и послевоенной миграции: политическая ссылка, депортация прибалтов, немцев и других. В Томской области, например, на 1 января 1949 г. насчитывалось 67148 спецпоселенцев, в том числе около 2,5 тысяч литовцев. В область было сослано 444 члена секты Истинно-православных христиан, запрещенной по законодательству того времени.

Работы и забот поэтому у парторганизаций было много, и они отдавали в этом отчет. Свидетельством тому являются многочисленные постановления Томского областного, городских и районных коми-

тегов партии по проведению антирелигиозной пропаганды. Такие постановления парткомитетами различного уровня принимались практически ежегодно, а то и чаще, как это было в 1954 г.

Известно в этот год обком, Томский, Асиновский, Колпашевский горкомы, райкомы области продублировали последовательно 2 постановления ЦК КПСС - от 7 июля 1954 г. "О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения", от 10 ноября 1954 г. "Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения".

Как того требовала традиция (браться за выполнение каждого нового постановления с энтузиазмом), партийные организации в 1954-1955 гг. развернули активную антирелигиозную кампанию. Лекции, вечера, беседы соответствующей тематики в аудиториях, в клубах, красных уголках; пропаганда на радио, телевидении, в печати - все было направлено в ход для "репалющего" разоблачения вредности религии для советских людей как одного из самых недопустимых пережитков капитализма". Проводилась ускоренная подготовка кадров антирелигиозного актива через семинары, курсы, кружки политехни, вечерние университеты марксизма-ленинизма.

Масштабы и характер развернувшейся в 50-е годы кампании, обязательное включение в нее государственных учреждений и организаций (печать, радио, библиотеки, клубы), даже на примере Томской области, свидетельствовали, что речь шла не столько об идейном споре с религиозной идеологией, на чем настаивали постановления ЦК КПСС 1954 г., а о целенаправленной государственной политике правящей партии по искоренению религии.

Ни о каком соблюдении принципов свободы совести, к приверженцам комм КПСС себя относил, говорить не приходится.

Партийные руководители постоянно требовали от лекторов-атеистов "наступательности" в разоблачении религиозной идеологии. Но низкий образовательный уровень активистов-религиозников, сама надуманность выводов о вредности религии приводили к тому, что "наступательность" приобретала форму воинствующего невежества, перерастала в "попоедство", оскорбление чувств верующих.

Аргументы в критике религии не выходили дальше пресловутых "родных плетей капитализма" да обвинений верующих в пособничестве мировому империализму. Так, любимыми темами лекций были, как у томских, так и других лекторов, "Марксизм-ленинизм с происхождением и реакционной сущности религии", "Происхождение и реакционная сущность христианства", "Религиозные праздники и обряды и

их реакционная сущность". Когда подобные аргументы не срабатывали, в ход пускалось "острое партийное слово" прессы. "Религия, - писал Ф. Селиванов в "Красном знамени" (1959. 21 октября), - исоушает, калечит души людей. ...лит мысль, обедняет чувства".

Автор - фельетонист из "Молодого ленинца" (1954 . 21 февраля) увидел у старушек, присутствовавших на православной службе, "постные лица кликуш", которые сидели, "бессмысленно вперив остекленелые глаза". В церкви же в это время "гнусазо завывала фисгармония, истерично всхлипывала, вторил ей церковный хор, певший о бренности земного существования". Слишком злое журналистское перо, кторое если и достигало цели, то только в оскорблении верующих.

Еще более действенным, надежным и пров енным средством воздействия на церковь и верующих были силовые, командно-административные подходы. Среди них - разрешительная практика регистрации религиозных общин и молитвенных аданий. Католический костел в Томске был закрыт еще в 1938 г., но верующие вновь и вновь обращались в различные инстанции с просьбой вернуть его общине. Только в 1966 г. католики из Томска писали по этому поводу и в Совет по делам религий при Совете Министров СССР, и Генеральному прокурору, Председателю Совета Министров Н. Хрущеву, в Президиум Верховного Совета СССР, и везде оставались глухи к скромной просьбе.

Особую активность в 50-е, как и прежде, в борьбе с религиозными объединениями, служителями культа и верующими проявляли органы госбезопасности. Чекисты Томска бдительно контролировали деятельность руководителей религиозных общин и даже рядовы : верующих, собирали и использовали "компромат" на священников, проповедников, пресвитеров, обвиняя их в антисоветских настроениях и даже в связи с иностранными разведками.

Перечень примеров, свидетельствующих об антирелигиозной деятельности партийных и советских органов Томской области, можно было бы продолжить. Но вывод очевиден. Парторганиз ции области (а они в этом плане ничем не отличались от других) всю атеистическую пропаганду свели к антирелигиозной борьбе. Будучи, как и прежде, не готовой вести на равных идейный спор с религией, партия использовала оскорбительные, командно-нажимные способы борьбы с религией, церковью и верующими.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Истрова Г.И.	Философское сознание и ответственность за культурно-цивилизационный кризис	3
Истрин В.В.	Образ философии в контексте современной культуры	6
Кашух И.П.	Подстановка проблемы целостности в исследование феномена культуры	9
Чухин Т.А.	Культура как целостность	12
Ляхчев Г.Д.	О понятии культуры и некоторых проблемах эстетической методологии.....	16
Лидгеф В.И.	Красота как симвообразующее ядро культуры	20
Коларович М.И.	Моделирование эволюционных процессов в культуре	22
Намикина Н.В.	Конфессиональный фактор в политической культуре	26
Суров В.И., Поправко Н.В., Суровцев В.А.	Что может скрывать за "Утопией"	30
Леонков В.Г.	Вертикальные поколения культуры	32
Красильников М.Г.	О характере культуры информационного общества	36
Ардиченкова Э.И.	Гуманизация науки и профессиональная подготовка студентов	40
Иларман Э.О.	Учет региональных требований в подготовке и переподготовке преподавателей в университете	45
Пейанер В.И.	Томская традиция книжности и появление гиперчитателя	48

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ТОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бурмакин Э.В.	Духовное завещание В.В.Барзи-Флеровского....	52
Кришницкая Г.С.	Философия права в духовном наследии интеллигенции Сибири	56

Харусь О.А.	Проблема обусловленности политической ориентации вузовской интеллигенции Томска в начале XX века	61
Косых Б.Н.	Советская власть и оппозиционная периодика в Сибири (ноябрь 1917 - май 1918).....	61
Бондаренко А.А.	Окончательный расгром эсеров в Томской губернии	80
Дукарт С.А.	Сталинизм и научная интеллигенция Западной Сибири (1945-1953 г.г.)	72
Кузнецов М.С.	Научно-исследовательская работа ученых Томска в 1945-1980 г.г.	75
Тошлов В.Г.	Дисонансты 60-80 г.г. как явление культуры "развитого социализма".....	79
Царников А.Н., Силаев А.П.	Вечернее и заочное образование в вузах Томска в 60-70 годы	84
Быкова Т.А.	Внедрение научных разработок молодых специалистов г.Томска в производство в 70-е годы	86
Гузарева Н.И.	Пресса Западной Сибири как фактор советской региональной политики в 70-е годы	89
Андреев В.П.	Участие интеллигенции Томска в выборах народных депутатов СССР в 1989 г.	92
Саврасова Т.В.	Городская реформа 1970 г. в Томске	96
Видовский М.В.	Сибирская областническая эмиграция 1920-30 годов с региональным самоуправлением	100
Смолкин О.А.	К вопросу о перестройке органов власти и управления нес с 1959 года (на примере Томской области)	101
Сазонова Н.И.	О некоторых тенденциях церковной реформы патриарха Никона	106
Халевиц В.А.	История Томского римско-католического прихода (XII-XIX века)	110
Сосковец Л.И.	Из истории борьбы с религией и верованиями в Томской области (на материалах 50-х г.г.)...	114

Культура: философия и история

Редактор Т.В. Залева

Подписано в печати

Формат 60x84 1/16.

Бумага типографская №2. Печать офсетная.

Лич. л. 7,5. Усл. печ. л. 6,9. Уч.-изд. л. 6,3.

Тираж 200 экз. Заказ 405

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.

Литопринт ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.